

ЕЛЕНА ГВОЗДЕВА

ТРУДНО БЫТЬ НЕМЦЕМ

ЧАСТЬ 1 КАРТА

иллюстрации автора

Елена Гвоздева
Трудно быть немцем.
Часть 1 Клара

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69352189
SelfPub; 2023*

Аннотация

1943 год, восстание против фашистских захватчиков в Павлограде – маленьком городке Восточной Украины. Подпольщики освободили свой родной город собственными силами. Восстание было организовано для спасения узников концлагерей и поддержки наступающей к Харькову Красной Армии. Трудно быть немцем, если ты рождён в России, вырос в Советском Союзе. Если твои этнические соплеменники явились уничтожить твою Родину, давшую тебе жизнь. Да, они говорят на одном с тобой языке, но они – твои враги. Где нашли в себе силы обычные люди – преподаватель и врач. Не спецагенты, не диверсанты, этнические немцы – родились в начале двадцатого века, в тогда ещё Российской империи. За годы оккупации подпольщики спасли более пяти тысяч жителей Павлограда и советских военнопленных из концлагеря DULAG 111 от вывоза в Германию. Лишь после войны герои этой книги узнали о том, какую толику внёс каждый из них в нашу Великую Победу.

Елена Гвоздева

Трудно быть немцем.

Часть 1 Клара

"Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого своё имя, свой облик, свои чаяния и надежды.

И муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чьё имя вписано в историю..."

Юлиус Фучик

Зачем написала

Из своей сытой и наполненной комфортом жизни нового тысячелетия я пытаюсь понять мотивы людей, нашедших в себе силы сопротивляться фашистам.

Герои этой повести – обычные люди мирных профессий – преподаватель и врач. Не спецагенты, не диверсанты, этнические немцы – родились в начале двадцатого века, в тогда ещё, Российской империи.

Я пытаюсь понять, неужели их жизнь в хаосе войны была настолько безысходной, что умереть было не страшно? Может у них инстинкт самосохранения был слабее, чем у дру-

гих?

Да, трудно быть немцем, если ты рождён в России, вырос в Советском Союзе. Если твои этнические соплеменники явились уничтожить твою Родину, давшую тебе жизнь.

Да, они говорят на одном с тобой языке, но теперь они – твои враги.

В детстве я много раз слышала истории о подпольщиках, спасших более пяти тысяч и жителей города Павлограда и советских пленных из концлагеря DULAG 111. Переводчица немецкой комендатуры и военный врач, захваченный в плен с отступающим госпиталем, внесли свою лепту в нашу Победу вместе с другими подпольщиками.

В юном возрасте их поступки воспринимались, как абстрактный героизм, немного мифический, когда ребенок думает: "Вырасту и обязательно сделаю что-нибудь такое – великое!" Наверное, душа ещё не умеет в полной мере постичь масштабы риска и последствий.

В разговорах взрослых нашей семьи, на школьных пионерских сборах поступки Клары и Манфреда воспринимались, как нечто логичное и понятное. А как же иначе? Ведь это же советские немцы! Росли среди наших людей.

Много лет спустя, когда распалась наша страна, когда сама стала мамой – поняла, что сама бы никогда не смогла так рисковать. Скорее всего, просто пыталась бы выжить, как моя

бабушка, оставшаяся в блокаду с тремя детьми, как мама моего отца с четырьмя детьми в оккупации.

В книге использованы воспоминания:

Караванченко Андрея Павловича

Ветрова Ильи Ефимовича

Агафоновой Нины

Новикова Виктора Викторовича

Грушевого Константина Степановича

Зайцевой Елены Федоровны

События, изложенные в этой книге – авторская интерпретация событий, произошедших в действительности.

В качестве извинений за допущенные мною неточности, приведу слова великого классика:

"Даже неточное цитирование – уже кое-что своё под другой фамилией..."

М.М. Жванецкий

Может, я пишу эту книгу для себя в попытке понять, откуда взять силы? А может быть мне обидно, что эти люди преданы забвению. Преданы во всех смыслах.

Многие, живущие сейчас на территории Украины, воспитаны фальшивыми учебниками истории, переписанными в угоду подлой Европе. Новое поколение загружено бредовыми идеями, что надо было сдать и стать колонией третьего

рейха.

Если прочитавшие эту историю спросят себя: а как бы я поступил? Значит в написанном есть смысл.

Лишь после войны герои этой книги узнали о том, какую толику внёс каждый из них в нашу Великую Победу.

Моим дедам посвящается

Часть 1 Клара

Глава 1

1930

– Клара! Ты где? – старый Таблер приложил ладонь ко лбу, защищаясь от солнца, – мать давно тебя ищет, майне либе.

[meine Liebe – (нем.) моя Любовь]

Золотистые косы, туго заплетенные вокруг головы, сияли нимбом над смешливыми глазами, Энергия была в этой де-вушке через край. Такой увидел её Виктор Новиков и уже не смог отпустить.

Поселок немецких колонистов Фридрихсфельд в окрестностях Запорожья был основан ещё во времена Российской империи, в 1810 году. Пять десятков семейств из Баденских земель, уставшие от войн и разорений решили обосноваться в щедрых землях Малороссии. Названо поселение в честь первого старосты, которым был Фридрих Лупп. В переводе с немецкого Фридрихсфельд означает "поле Фридриха" (1945

году переименовано в село Раздол).

Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 года стал основой для появления и развития в России немецких колоний. Он объяснял условия переезда в страну и гарантировал привилегии, главными из которых стали свобода вероисповедания, наделение землей, освобождение от воинской службы, льготные условия уплаты налогов и самоуправления.

Для освоения новых земель она решила использовать человеческие ресурсы измученной постоянными войнами Европы. Екатерина Великая считала, что соотечественники смогут привнести в российский быт немецкую обстоятельность и точность, вечная нехватка которых, ощущалась императрицей во всём. Переселенцы бежали от постоянных войн и эпидемий Европы на эту щедрую, плодородную землю юга Российской империи.

Может именно эта привычка к преодолению трудностей, неизбежная в жизни скитальцев и земледельцев, и воспитала в Кларе волю и упорство. А может быть гены её предков, не смирившихся с обстоятельствами жизни в Европе, сформировали волю к сопротивлению?

Кто знает...

Слабые и бесхарактерные не начинают жизнь с нуля в чужой стране. В стране, которая через столько поколений стала родиной для Таблеров.

Вот только этнические собратья пришли и разрушили так тщательно выстроенную жизнь в этой теперь родной земле.

Глава 2

июль-август 1941

Сводки сообщали: идут ожесточенные бои.

Ополчение, собранное в старинных казармах на окраине Павлограда отрабатывали на июльской жаре команды построения. Было неясно: зачем в такой ситуации тратить силы на маршировку, если стрелять толком никто почти не умеет.

Всё дело было в отсутствии винтовок. Команда организовать ополчение никак не состыковывалась с нехваткой оружия. Приходилось занять людей строевой подготовкой. Прибывшие на станцию беженцы нагнетали тревогу. Рассказы о том, что немцы сбрасывают отлично подготовленный десант в спину нашей и так слабой обороне, оптимизма не добавляли.

Атака Люфтваффе на железнодорожную станцию Павлоград 8 августа 1941 года наполнила души жителей ужасом.

С утра ничто не предвещало беды, хотя уже на всём укладе жизни теперь ощущалась мрачная нервозность войны. За-

воды в спешном порядке эвакуировали на Урал. Везли оборудование, сырьё, рабочих и специалистов артполигона, сопровождавших грузы. Многие уезжали семьями.

Станция Павлограда была буквально забита составами: военными, товарными, увозившими на восток имущество предприятий и колхозов. На запасных путях – составы с тяжелоранеными бойцами. Отсюда их увозили в тыловые госпитали. Многие горожане и дети носили воду для раненых, помогали, как могли.

И вдруг тяжелый гул. Самолёты со свастикой сбросили бомбы, рядом – нефтебаза. Рвалось и горело всё. В считанные минуты станция стала адом. Кругом в ужасе метались люди, кричали раненые, земля превратилась в пылающий костёр, кровь текла по рельсам. Смешались части человеческих тел и скота. В панике ещё живые корчились в страшной гари. От гари всё кругом почернело, не видно было неба. Бегущих настигли разрывы, осколки бомб. Кругом дымило, стоял страшный смрад.

Старшекласников и подростков мобилизовали на помощь раненым в госпиталь, развернутый в школе № 1.

Поселковые жители хоронили родных по дворам, ям от бомбёжек хватало, почти в каждом дворе – могила.

Там, где позже расположился туберкулезный диспансер в

саду Лямбуса, было целое кладбище.

Детство Клары не было безоблачным. Её семья немецких колонистов пережила голод после гражданской войны, часто откровенную неприязнь к немцам.

Ещё живы были в памяти людей события первой мировой войны. Зависть к умению колонистов преодолевать все невзгоды упорным трудолюбием иногда выплескивалась в откровенную враждебность.

Клара давно научилась говорить без акцента, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Вот и здесь в Павлограде, в гостях у свекрови, соседи воспринимали её, как свою.

В конце весны муж Виктор Новиков привез её с детьми к матери и уехал на военные сборы. Тогда казалось ненадолго.

Даже сейчас, в конце августа, ей хотелось верить, что никакой катастрофы нет, что вот совсем скоро всё закончится нашей молниеносной победой, и муж вернется. Вот только на рынке цены взлетели моментально.

Клара ходила между рядами, приценивалась, прислушивалась к разговорам.

– Ой, кума! Чи вы чулы? Нимцив будуть вывозыты. Усих

КОЛОНИСТИВ.

– Та вы шо? Хто це надумав такэ?

Торговка придвинулась ближе к соседке по прилавку, заговорила приглушенно:

– До мого Василя прыйшов увечери товариш, службовэць. Воны не знали, шо я в комори крупу перебырала, та й почула: прыйшов наказ. Завтра зранку усих нимцив Поволжья вывезуть кудысь у тыл. Можэ у Казахстан, а можэ ще дали.

– Ой, Боже, шо ж це робыться. Це ж, мабуть, фашыстив нэ вдэржать, – громким шепотом воскликнула соседка.

[Указ Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"]

Клара стояла рядом, скрытая плетеными корзинами, стоящими на прилавке. Внутри всё похолодело.

– Отож. Трэба було б поперэдыты колонистив биля Запорижжя, можэ их тэж будуть вывозыты, алэ ж то далэко, та я боюся.

– Бидни люды, а диты ж у чому вынни? И шо з намы будэ?

Клара машинально перебирала деревянные ложки, разло-

женные стариком-резчиком на рогожке. Мысли лихорадочно метались: "Что же делать? Нужно срочно предупредить родных. Или сразу старосту колонистов...? Что взять с собой? Одежду? Еду? Бедные родители! ... Как быстрее добраться? На попутках? Оставить детей свекрови? Взять с собой? Тогда точно не успею! За сутки должна добраться".

Заметив соседского мальчишку, Клара кинулась к нему:

– Славик, пожалуйста, скажи вашей соседке Александре Давыдовне, я вернусь вечером. Нет! Завтра! Пусть не волнуется.

Мальчик кивнул:

– Хорошо, всё передам.

Клара бросилась искать попутку, чтобы добраться в соседнюю область, на поезда надеяться не было смысла. На выезде из рынка шофёры облюбовали площадку в тени акаций. Клара мимоходом порадовалась, что не успела ничего купить и сможет оплатить дорогу до родного села Фридрихсфельд. Однако платить не пришлось, знакомая машина с молочной фермы стояла уже загруженная пустыми бидонами. Молоко привезли на рассвете, пока не жарко, и продать удалось быстро. Шофёр Михель тоже был из колонистов.

Высадив Клару у дома родителей, он поехал к старосте.

Выслушав взволнованную дочь, Адольф Таблер вздохнул, помолчал, собираясь с мыслями.

– Успокойся доченька, не суетись. Это неизбежно. Возьми свою метрику и спрячь, неизвестно, что может пригодиться. У тебя паспорт на фамилию мужа – Новикова. Пешком иди через балку в соседнее село, там ищи попутку. Мы не знаем, когда придёт наша очередь. Скоро могут оцепить наш Молочанский район, а тебе нужно к детям. Одна мама Виктора не справится. О нас не волнуйся, ты дала нам время собраться без спешки и паники. Припасы у нас есть. Возьми мёд детям, впереди зима, и деньги все возьми. Если и нас повезут, то бесплатно, – отец грустно усмехнулся, – без билетов.

Клара в слезах уткнулась в широкую отцовскую грудь.

– Тише девочка. Подумай вот о чём: первыми, кого оккупационные власти начнут испытывать на лояльность рейху – бывшие соотечественники, а уж потом коренные жители. Так было в первую мировую. Нас отправляют вглубь страны, чтобы избавиться от такого выбора.

Фашисты рассчитывают создать из нас опору своему режиму. Лучше оказаться подальше от всего этого. Не тревожься о нас, вместе легче обосноваться на новом месте, тем более, пока лето.

Потомки переселенцев из нашей немецкой общины, или из любой другой, живут в ожидании, что события всегда мо-

гут поставить нас перед выбором, ведь войны неизбежны. Основать колонию в стране, исторически воюющей с родной предков – это жизнь на вулкане. Если бы твои предки выбрали, ну..., например Австралию, то ... сама понимаешь.

Мы уже три сотни лет живем с сознанием, что, сохраняя свой язык и традиции, мы рискуем оказаться перед выбором.

А люди везде живут. Для тебя сейчас главное – сберечь детей и себя.

С Богом!

Через месяц, в конце сентября 1941 года пришел черёд и родных Клары. К первым числам октября было вывезено в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию более пятидесяти тысяч немцев. Следы Таблеров затерялись в Пермском крае.

[Постановление ГКО № 702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей» от 22.09.1941]

август 1941

Из сообщений Совинформбюро:

"Обороняющиеся подразделения, выполняя «приказ товарища Сталина от 3 июля 1941 года» переключив генерато-

ры ГЭС на самосожжение, отступили на Левобережье.

18 августа 1941 года произведен подрыв плотины Днепрогэса..."

В теле плотины образовалась брешь, пошёл активный сброс воды. В результате возникла обширная зона затопления в нижнем течении Днепра. Слухи ширились, обрстая страшными подробностями, шепотом говорили о, якобы, сотнях утонувших, вырвавшаяся на свободу вода пронеслась Днепровской поймой, заливая все на своем пути. Клара не верила, пыталась представить дом родителей, затопленный водой, и не могла. Мысленно уговаривала себя: "Все живы, сейчас обустроиваются где-то вдали от войны, от страшных разрушений".

По словам очевидцев, сила образовавшейся при подрыве плотины Днепрогэса волны была такова, что монитор "Волочаевка" (низкобортный броненосный корабль) был выброшен на мелководе реки, позже использовался в качестве оборонительного сооружения красноармейцами.

Бойцы 3-й батареи 16-го зенитно-артиллерийского полка подарили Запорожью полтора месяца (до начала октября 1941 года). В августе и сентябре удалось осуществить небывалый объем работ по эвакуации промышленного оборудования. Для этого подтянули даже линии электропередач из Донбасса. Были брошенные все резервы людей и вагонов – 9

тысяч рабочих и свыше тысячи специалистов из того же Донбасса грузили оборудование "Запорожстали" и других промышленных гигантов. Поэтому только относительно Запорожья можно утверждать, что все, что собирались вывезти – вывезли. Достаточно сказать, что на восток отправили оборудование 28 заводов союзного значения!

Колоссальное разочарование для захватчиков. Но всё это стало известно Кларе гораздо позже от Франца Хайнемана, начальника Фельдкомендатуры – Управления дорожной жандармерии Кривого Рога, инспектировавшего дорожную жандармерию Павлограда. Тогда Клара даже представить не могла, как его визиты в Павлоград помогут подпольщикам.

[Из мемуаров А. Шпеера: «...Посетил я и взорванную русскими электростанцию в Запорожье. В ней, после того, как крупная строительная часть сумела заделать брешь в плотине, были установлены немецкие турбины. При своем отступлении русские вывели из строя оборудование очень простым и примечательным образом: переключением распределителя смазки при полном режиме работы турбин. Лишенные смазки, машины раскалились и буквально пожрали сами себя, превратившись в груды непригодного металлолома. Весьма эффективное средство разрушения и всего – простым поворотом рукоятки одним человеком!»]

сентябрь 1941

Из сообщений Совинформбюро:

"4 августа 1941 года фашисты захватили Кировоград.

8 августа – Умань.

15 августа – Кривой Рог

17 августа – Никополь".

В сентябре сдали Днепропетровск.

11 октября 1941 года немцы заняли Павлоград.

После захвата немцами правого берега Днепра, из Новомосковска к Павлограду устремились потоки беженцев. Оборудование заводов, которое нацисты могли обратить в свою пользу, госпитали, типография "Днепровской правды".

Дороги размыло дождем, заторы из увязших в колеях машин, скота превратили её в непроходимое препятствие. Не лучше выглядела дорога и через Голубовку и Перещепино на северо-восток. У Перещепино профилировка (профилированная грунтовая дорога) уходила южнее к Павлограду.

Немецкие бомбардировщики превратили путь отступающих в ад. Машины медленно ползли в сумерках с погашен-

ными фарами, кроме бомбардировщиков, немцы засылали десантные группы. Бои под Кременчугом тоже не вселяли надежду. На подножках машин разместились наблюдатели, чутко прислушиваясь к ещё светлеющему в сумерках небу.

Через Перещепино тянулось шоссе, соединявшее Днепропетровск с, готовящимся к обороне, Харьковом. Перещепинцы выбились из сил, кроме строительства оборонительных укреплений на них оставалась уборка урожая и вывоз зерна. Женщины и старики валились с ног, лишь у подростков энергии хватало на всё, голод ещё не лишил их сил.

В конце августа 1941 года Федор Борисович Зацарин из Павлоградского горкома встретился с Андреем Павловичем Караванченко – коренным павлоградцем, оставленным для подпольной работы под видом сапожника.

Основная часть подпольных групп и отрядов была сформирована, новые документы для тех, кто должен остаться, выданы. В свои тридцать семь лет Андрей думал: "Как трудно оказать человеку в доверии, а потом окажется в отряде хоть одна шкура, и гибнут люди... Где взять опыт? Старые кадры, в большинстве своём, не дожили, многие репрессированы, людей с опытом подпольной работы нет, правила конспирации для большинства – лишь теория".

Уже было понятно, что задержать наступление фашистов удастся ненадолго.

– Дмитрия Садовниченко решили пока отправить в Петропавловку, здесь его многие помнят, а там Дмитрия Павловича не знают, – пояснил Караванченко.

– Если только из Павлограда не переберется кто-нибудь к родне, я имею ввиду: из тех, кто с ним знаком, – засомневался Федор Борисович.

– Да, первое время лучше осмотреться, – кивнул Андрей.

– Ну, это касается всех нас. Береги себя...

Коробки с медикаментами, ватники, ящики с патронами были спрятаны в лесных схронах Орловщанского леса. Партизаны найдут всему этому применение и в Самарском лесу. Но дожить до Победы многим не суждено. Карательные операции в таком редколесье провести несложно.

После революции близкое расположение к Днепропетровску, тогда Екатеринославу, сыграло заметную роль в развитии промышленности в Павлограде.

Артиллерийский полигон, Литейный завод очень измени-

ли состав населения. Приток военных специалистов, инженеров и рабочих требовал развития медицины и образования. Бывшая гимназия превратилась в техникум, открылись школы, рабфак.

Несмотря на это, выглядел Павлоград тихим патриархальным городком. Кое-где булыжную мостовую бывшей Шалинской улицы, ведущей на старую Соборную площадь, наспех пытались выровнять после бомбежек, тишина окраин была тревожной и обманчивой.

В центре полным ходом шла мобилизация, прибывшие из Днепропетровска специалисты и оборудование спешно готовились к дальнейшей перевозке вглубь страны. В том числе Павлоградский обозный и Новомосковский жесте катальный завод, который ни в коем случае нельзя было оставлять немцам. Донецкие металлурги обеспечили быстрый демонтаж оборудования.

Командование 6-й армии Южного фронта прилагало все усилия, чтобы не дать фашистам развить наступление дальше Днепра, но все понимали, что счет идёт на дни.

Вместо раненого генерала Тюленева Ивана Владимировича Ставка Верховного назначила Дмитрия Ивановича Рябышева – генерала-лейтенанта, доставившего немало разоча-

рованных командующему сухопутными войсками Германии Гальдеру.

Обергруппенфюрер Гальдер был в ярости – потери в танках и транспортных средствах тормозили наступление. В большинстве немецких танковых дивизий значительная часть боевых машин превратилась в искореженное железо. Успех наступления должна обеспечить авиация и срочный ремонт техники. Конечно, Днепр стал серьезным рубежом, сходу форсировать такую реку нереально. Гальдер укрепил немецкие части итальянскими.

– Подумать только! Даже в этих степях они умудряются партизанить! – негодование обергруппенфюрера вызвали смелые вылазки партизан Карастоянова, которые укрылись в приднепровских плавнях (заболоченные поймы и острова низовья реки) и взорвали мосты на Никополь.

Глава 3

октябрь 1941

В предвоенные годы в Павлограде очень изменилось соотношение местного населения и приезжих. Город пополнился рабочими ободно-механического завода №15 ("Химмаш"), лубяного – "Снаряжательного завода №55", литейщиками, военными специалистами артволигона.

За то время, пока 6-я Армия удерживала Днепровский рубеж, в оккупированном Левобережье развернулись партизаны. Беженцы, по ночам переплывавшие Днепр, рассказывали, что в сёлах близ Никополя и Марганца партизаны нападают на транспорты и комендатуры фашистов. Жители находят листовки с сообщениями Совинформбюро. Ходили слухи об арестах в Днепропетровске. Политуправление Южного фронта заготовило тысячи листовок не только на немецком, но и на итальянском, румынском языках для солдат оккупационных частей, дислоцированных в районе Днепра. Листовки призывали итальянцев и румын отправляться на родину и не жертвовать свои жизни в интересах Германии.

Немцы вступили в Павлоград 11 октября.

Сотрудники местной газеты выразили готовность сотрудничать с новой властью и издавать новую "Павлоградську газету" на том же оборудовании. Николай Шуть, сотрудник отдела поэзии не ожидал, что бывшие коллеги так стремительно сменяют идеологическое направление. Многие были оставлены для подпольной работы. Фашистская пропаганда давно отшлифовала методы работы с местными газетчиками. Зачем пропадать оборудованию, если его можно использовать на пользу рейху.

Всего пять лет назад Николай окончил школу, жил с мамой. После травмы заболел костным туберкулёзом и призыву не подлежал, заочно учился в Литературном институте. Бедная женщина оберегала сына всеми силами, стоило парню задержаться в редакции, мама не находила себе места. Очень гордилась поэтическим даром Николая, особенно, когда её мальчика выбрали ответственным секретарём газеты "Социалистычный наступ" ("Социалистическое наступление")

Редакционная машинистка Галя давно нравилась поэту, но ухаживаниям предпочитала дружеские отношения, они были знакомы со школьных лет.

Галя Пасько не хотела верить, что наши оставят Павло-

град и горячо убеждала в этом Николая, но грохот приближающегося фронта не оставлял надежды.

Утром девушка прибежала к Николаю бледная и запыхавшаяся, стала сбивчиво пояснять, что все разошлись, а в подвале редакции полно подшивок старых газет со статьями о передовиках производства и активистах города.

– Ты подумай! Почти все они коммунисты или комсомольцы! А в статьях подробности о семьях, должностях, не говоря уже о фамилиях. Ты понимаешь, сколько там информации для гестапо?!

– Скорее пойдём туда! – встревожился Коля.

Подвал редакции был забит старыми газетами. Галя в отчаянии присела на ящик:

– Это за неделю не перетаскать домой!

– Значит, придётся сжечь во дворе, – решительно шагнул к стопкам Николай – здесь их быстро найдут.

Костёр из газет горел до самого вечера. Уставшие и перепачканные они вернулись домой. Мама только всплеснула руками, глядя на парочку.

– К вам прибежал Алексеев Володя, искал.

– Завтра пойдём к нему, нужно проверить библиотеки.

А к 7 ноября город пестрел листовками, призывающими "Отметить 24-ю годовщину Революции".

Галина Пасько работала в редакции газеты машинисткой, напечатала листовки с призывом всячески вредить фашистам. Молодые сотрудники редакции Володя Алексеев, Николай Бешта, Галина Федосеенко ночью расклеили их на рынке и в других людных местах.

Гебитскомиссар (должность административного лица на оккупированных нацистской Германией территориях) Циммерман был напуган и взбешен, свой страх выплескивал на штурмбанфюрера Экке – начальника гестапо. Каждая партия листовок проводила фон Экке в гнев, особенно ярился долговязый шеф отделения СД Павлограда при виде машинописных листков. Он считал, что написанные от руки – это творения малахольных одиночек, а отпечатанные на бумаге – это уже происки организованной группы. Курт фон Экке затеял сбор образцов оттисков всех печатных машинок в городе, чтобы по мелким дефектам литер установить источник.

Подпольщики типографии успели перепаять некоторые буквы на каретках и обдумывали, как перейти на типографский способ печати.

В этом должны были помочь Борис Шимановский и Иван Кириллович Лашунин.

В притихшем городе жители затаились в тоскливом ожидании. Каждый человек надеялся на что-то своё, хотя и было понятно, ждать каких-то перемен, отличающихся от того, что уже происходит в захваченных городах, не приходится. Но всё же, человеку свойственно надеяться, что его минует жестокость судьбы. Да, возможно, заденет кого-то из знакомых, соседей, но его обойдет стороной. Главное – не высываться, не привлекать к себе внимание. Наивно. Тщательно отработанная на захваченных странах, отлаженная оккупационная машина работала без сбоев. Методика работы с населением, отшлифованная в покоренной Европе, действовала, как часы.

В первые же сутки подразделения СД определили здания, в которых будут размещены основные структурные подразделения: военная комендатура, гестапо, тюрьма, биржа труда. Всё трудоспособное население обязано встать на учёт. Отделения гражданской полиции, сформированные из местного населения. Дорожная жандармерия, ведь качество дорог – основа активного взаимодействия структур власти в тылу и залог быстрого продвижения на восток – к Уралу.

Обязательное выявление и регистрация всех евреев.

Поощрение местного населения за помощь в выявлении

всех активистов, составление списков семей коммунистов, комсомольцев, командиров Красной армии.

Приказ о введении комендантского часа.

Приказ о немедленной сдаче оружия и радиоприемников.

Приказ об открытии церквей и проведении церковных служб.

Приказ об издании городской газеты.

Госпиталь.

Всё четко по выверенной схеме, многократно доказавшей свою эффективность в управлении колониями низших рас. Опыт Британии тоже пригодился.

У некоторых местных это даже вызвало уважение к немецкому порядку. Таких, правда, было немного. Бывший паспортист городского отдела милиции Павлограда Канавкин был, как раз, из их числа.

Паспортист

Идея выдать новые паспорта всем, кто оставался в городе для подпольной работы, возникла перед самым отступлением наших. Писарь Канавкин чётким почерком заполнил новенькие книжечки, ещё пахнущие типографской краской.

Новые фамилии подпольщиков, придуманные конспираторами, должны были обезопасить на случай, если доброхоты из числа обиженных захотят написать доносы. Место жительства так же предполагалось сменить, хотя, затеряться в маленьком городе затея трудная.

При коммунистах карьерные амбиции писаря не находили отклика в начальственных душах. Несмотря на частую смену начальников паспортного стола, его продолжали держать, всего лишь, писарем. Да, восхищались его феноменальной памятью, покровительственно похлопывали по плечу, даже качали восхищенно головами – но и только. Казалось, жалкий стул писаря прирос к нему навечно.

Руководство считало, раз писарь не член партии, то и руководить ему не по рангу. Окончательно нервы сдали, когда очередным начальником Канавкина назначили совсем сопляка. Спасала водка.

"Оперативный работник", – презрительно цедил писарь, опрокидывая на кухне очередной стакан.

Приказ немедленно эвакуироваться после оформления новых паспортов Канавкин проигнорировал, затихарился в доме, ожидая немцев. Уставшая от пьяного хамства, жена давно уехала к родственникам. Последний год писарь жил бобылём.

"Ну, теперь пришло моё время, – рассматривая в неплотно прикрытые ставни, входящие в город подразделения фашистов, потирал Канавкин потные ладони. – Немцы, народ точный, оценят мой талант. А за такой подарочек, как списки новых паспортов, тем более".

Бывший тихий счетовод городского управления по заготовкам зерновых "ЗаготЗерно" неожиданно был назначен оккупационными властями председателем городской Управы. Народ диву давался – тихий невзрачный человек, в залоснившихся нарукавниках, сутуловатый, с тонкими узловатыми пальцами, легко скользившими по счётам, никак не вязался с образом солидного "головы" Управы. И вдруг – такой карьерный взлёт!

Узнав об этом назначении, Канавкин воодушевился, настал его час.

В ортс-комендатуре (военные комендатуры нацистов в районных центрах) к писарю проявили вежливый, но вялый интерес. Белобрысый немецкий переводчик, мягкотелый, разленившийся на штабной работе, равнодушно слушал чудаковатого, явно пьющего мужичонку, настойчиво повторявшего:

– Русиш аусвайс!

Брезгливо отодвинувшись от сивушного амбрэ, пробур-

чал:

– Герр Лёхлер занят. Ви, – ткнул пальцев в писаря, – явиться со списком сюда. Завтра! – махнул рукой. – Я воль? Гут.

Канавкин разочарованно кивнул. Ничего не оставалось, как явиться завтра.

"Но ведь не выгнали, а пригласили прийти!" – приободрился предатель.

Оставленный для подпольной работы, Степан Прибер увидел писаря, выходящего из ортс-комендатуры, с довольным выражением лица и похолодел. Сомнений не оставалось, для чего этот человек остался в городе.

"Медлить нельзя, – решил Степан, – как узнать, что эта сволочь успела наплести немцам?"

Тихонько увязавшись следом, Прибер довёл паспортиста до самого дома. Сумерки окутали запущенный садик у дома и палисадник за калиткой. Со стороны улицы окна так и остались, закрыты ставнями. Степан решил обойти квартал и огородами пробраться к дому с другой стороны. Сумерки сгустились. Окошко со стороны огорода слабо светилось.

Подпольщик осторожно подкрался и заглянул сбоку в окно. Это была кухня. Канавкин сидел за столом у окна и

привычным движением опрокидывал стакан. На доске перед ним было порезано сало и луковица, а рядом разложены листки бумаги. Писарь закусывал и неторопливо добавлял в список всё новые, и новые фамилии. Ему не нужно было сверяться с картотекой, отправленной в тыл, вся информация прочно засела в памяти.

"Да-а, урод, твою бы память, да на благое дело", – зло подумал Степан, – если пишет списки, значит, фрицам ещё ничего не успел передать. До утра эта шкура дожить не должна".

Степан притаился в зарослях кустов сирени и думал, как сделать это наверняка: "Придётся ждать, когда "труженик пера" наклюкается и его сморит сон". Канавкин трудился часа два. За это время окончательно стемнело, редкие прохожие исчезли, а патруль на эту тихую улочку забредал редко. Прибер замерз и тихо проклинал трудолюбивого предателя.

"Всё! Пора". Подцепив ножом щеколду двери, Степан аккуратно прошмыгнул в коридор. Канавкин спал, уронив голову прямо на списки. Трудно вот так подойти к спящему человеку и убить. Скользя по спискам взглядом, электрик поразился объёму информации, которую запомнил писарь.

"Эта тварь легко обрекла на гибель десятки людей", – Сте-

пан сжал зубы, именно вереница жертв, представшая перед его мысленным взором, укрепила решимость. Прибер снял с вешалки шарф Канавкина, бережно просунул край поверх плеча писаря, протянул по столу и крепко взялся за перекрученные концы. Вдохнул поглубже и со всей силы развел руки в стороны. Когда конвульсии прекратились, Степан с трудом разжал зубы и вытер взмокший лоб. Впервые он убил человека.

"Это падаль, а не человек, – возразил себе мысленно, но легче не стало, спина под рубашкой была мокрой, – так, теперь списки". Степан перетащил Канавкина на лежанку печи, снял шарф. Открыл дверцу печи, угли прогорели и светились багровыми разводами. Отлично. Тщательно собрал все бумаги и бросил в топку, проверил в столе и в шкафу, мало ли какие там могут быть "заготовочки". Убедился, что бумага сгорела, и добавил пару поленьев. Теперь можно задвинуть выюшку и уходить.

"Утром найдут, подумают – угорел, пьющий был. Бывает".

Лишь добравшись домой, Степан понял, как измотан. "Господи, спасибо, что ты привёл меня сегодня к зданию комендатуры именно в тот момент, когда этот гад выходил оттуда. На какой тоненькой ниточке были подвешены жизни этих людей. И ведь было же известно о его феноменальной памяти, но проконтролировать отъезд не удосужились..."

2014

История копирует сюжеты.

В 1941 году, первое, что сделали фашисты – снесли гранитный памятник Ленину на центральной площади Павлограда, бывшей Соборной.

Вот точно так же, как современные борцы с памятниками из правого сектора с видом победителей позируют в теленовостях, на пустом пьедестале фотографировались итальянские и немецкие солдаты вермахта.

Офицеры «тысячелетнего Рейха» считали позировать на развалине ниже собственного достоинства, предоставив это унтерам. Сфотографироваться на фоне замученных и расстрелянных – другое дело.

Впрочем, как и нынешние натовские кураторы.

Старик вздохнул и выключил телевизор. "Верным ленинцем" Виктор Викторович Новиков никогда не был. Насмотрелся после войны на "справедливость" коммунистических бонз, арест мамы, детский дом.

"Мама, мама. Хорошо, что ты не дожила до этого. Воевать

с безответными памятниками – редкостная тупость скакуансов, вопящих : "Хто нэ скаче – той москаль". Никакого риска, в крайнем случае – прибьёт обломком. А главное – отлично отвлекает от решения реальных проблем.

Даже слово специальное придумали западные идеологи "декоммунизация", созвучно с "канализация" – в обществе, где правят каналы. Старинный друг Иван, с которым Виктор Викторович полвека трудился на оборонном заводе, как-то сказал:

– Не понимаю претензий нациков к Путину. Крым Украине подарили коммуняки, а именно Хрущев. Так Путин как раз и провел "декоммунизацию" – аннулировал решение партии. Никаких противоречий!

Во всех ситуациях простого человека выручает ирония. Если нынешний бардак воспринимать без иронии, спятить можно. Я-то свою жизнь почти прожил, за восьмой десяток перевалило. Молодых жалко. Почти у каждой из живущих по соседству семей родственники в России или дети, уехавшие в поисках лучшей жизни. Как легко убедить человека, что в его проблемах виноват "злой сосед".

Веками работает этот прием. – Взгляд Виктора вернулся к фотографии матери. Сколько ещё ударов судьбы уготовано человеку. Когда мрачные мысли особенно досаждали, старик говорил себе: " А ведь маме среди фашистов было труд-

нее, чем мне теперь... Ничего, переживём и это".

Серьёзная женщина с уложенной вокруг головы косой грустно смотрела с чёрно-белой старенькой фотографии.

Глава 4

Оккупация

Первое время соседи относились к Кларе спокойно. Приехала женщина в гости, побудет с детьми и уедет. Но тревожные сводки Совинформбюро сеяли тревогу и подозрительность. Жители несколько обособленной от основного населения части города – Хуторов, привыкли относиться к чужакам с осторожностью. Особенно в такое, полное противоречивыми слухами время. Только соседка Онуфриевна была всё так же приветлива.

Живущая неподалеку Серафима Ватолина обучала молодых девушек оказывать помощь раненым, заменять лекарства травяными сборами. Многие жители прятали у себя красноармейцев, не успевших уйти с нашими из-за ран.

Клара стала жалеть, что поддалась на уговоры свекрови и не уехала со своей родней. Александра Давыдовна увещевала:

– Ну что ты, сама подумай, как бы ты добиралась с тремя детьми? Леночке всего четыре, Нине – два, Виктору – шесть

лет.

А тут, какая-никакая всё же крыша над головой. Соседи тебя помнят, место у нас тихое, в стороне от основных улиц. В наш угол и раньше власти редко заглядывали, Бог даст и теперь обойдется. Как-то перезимуем. А там что? Голая степь. Ещё неизвестно как твои смогли добраться.

Клара почти ненавидела её за эти слова. И так постоянно преследовал страх за близких. Ходили слухи, что немцев не просто так вывезли в Казахские степи, а где-то в пути могли всех расстрелять, как это было в 30-е с семьями раскулаченных. Чувствовала себя предательницей, примчалась, предупредила и ... тихо сбежала. Но и не вернуться к детям тоже не могла, в любом случае изгрызла бы себя тревогой. Ведь женщинам свойственно винить себя за все потрясения, выпавшие на долю родных людей: не предусмотрела, не проинтуичила, не уберегла.

С каждым днем надежды на наступление армии таяли. Мысли о том, как жить дальше не отпускали даже ночью, вернее становились даже мучительнее. Страх и безысходность не давали уснуть:

"Делай, что должно – и будь, что будет". Легко сказать, а как понять, что в этой ситуации "должно"? Кто подскажет? Вокруг полная неопределенность и растерянность – наши оставляют города. Слухи множатся. Ну почему я не поехала

к свекрови забрать детей в первые же дни войны?

Сейчас бы уже были все вместе, пусть в степи, в землянке, но со своими. Отец и другие мужчины рукастые, как-то смогут обустроиться, успеть до холодов. Нет, грызть себя без толку. Надо думать, как пополнить запасы свекрови, ведь она не рассчитывала зимовать с таким "коллективом". Как пережить зиму без работы? И хорошо бы только зиму».

Не так она представляла свою жизнь с Виктором. Конечно, переезды из гарнизона в гарнизон тоже далеки от тихой благополучной жизни, но все же семьи офицеров не голодали. Перед отправкой на сборы мужу предлагали продолжить службу в части артополигона. Базы военторга часто меняли расположение. С тех времен Клара привыкла справляться с бытовыми трудностями, немцы рано приучают своих детей образцово вести дом. Именно эта привычка держать дом не позволяла раскиснуть, дом и дети – прежде себя.

Виктор Новиков по делам снабжения армии ездил по предприятиям и колхозам, оказался в поселке Фридрихсфельд. Там и познакомился с Кларой. Не заметить её было невозможно, многие засматривались на девушку с косой, толщиной в руку, золотистой змеей, спускавшейся по спине.

Заговорил о том, какое необычное название. Клара засмеялась и объяснила, что в переводе с немецкого название означает "Поле Фридриха".

"Витенька, что же делать, если бы не дети, попыталась бы разыскать своих, – мысленно обращалась к мужу. – Ага, – возражала Клара сама себе, – с твоими документами только мотаться по вокзалам, полным патрулей. Клара Адольфовна – просто находка для особистов. Даже выдать себя за еврейку не получится с таким-то отчеством".

Соседки рассказывали у колодца: в центре города открылась Биржа труда.

Немцы дали понять, что пришли навсегда и трудиться на благо рейха обязаны все. Работать на фашистов не хотелось, да и кем? Привлекать к себе внимание было страшно. Клара видела, как смотрели люди на сотрудницу комендатуры, проезжавшую в машине с офицерами мимо рынка. Надеюсь хоть что-то выменять на продукты. Теплые вещи остались в доме родителей, не до того было. Предложить менялам было почти нечего.

Караванченко Андрей Павлович условился встретиться со Степаном Прибером недалеко от Хуторов, в старой котельной рядом с кожевенным заводом.

Это он предложил ещё в августе сделать Степану документы на фамилию Приберг, а с приходом немцев объявить

себя фольксдойче.

[Фольксдойче – (нем. Volksdeutsche, «германский народ») – обозначение людей, родным языком которых был германский и которые жили вне Германии (в отличие от «рейхсдойче» нем. Reichsdeutsche – «германцев из рейха»)]

Высокий лоб, серые глаза, чуть вьющиеся волосы. Именно внешность Степана и подсказала сделать из него арийца, ведь многие и до войны воспринимали его фамилию, как иностранную. Добавленная в новых документах к фамилии буква "г", превращала Прибера во вполне немецкого Прибера.

Новости были печальные, повесили бывшего заместителя директора завода Харченко.

– Скорее всего, донёс кто-то, – вздохнул Андрей.

– Ну да, такая же сволочь, как бывший паспортист, – кивнул Степан. Пришлось рассказать об исполненном приговоре, который Прибер сам вынес и сам привёл в исполнение прошлой ночью.

– А если бы тебя увидели и донесли?

– Так я же плотно занавески задернул, а с улицы ставни

он не открывал.

– Всё равно риск.

– А то, что этот гад свою писанину утром отнес бы фрицам не риск? – ощетинился Прибер, – я посмотрел, списки были полными.

– Ладно, – Андрей примирительно положил руку на плечо Степану, – тут ты прав, но больше не смей так рисковать.

– Мне обещали сделать удостоверение фольксдойче, я как раз за этим заходил в ортс-комендатуру, – всё ещё хмуро ответил "новоиспеченный немец", – нужны документы инспектора по электроснабжению. Слышал, оккупационные власти собираются восстанавливать электросети, поврежденные при отступлении.

Дальний родственник Караванченко взялся пристроить Прибера в качестве контролера на местную электростанцию. Документы инспектора по контролю электроснабжения позволили бы беспрепятственно не просто ходить по городу, для этого было достаточно статуса фольксдойче, но и посещать предприятия города и явки под предлогом проверки безопасности электрокоммуникаций.

Немцы всерьёз взялись за восстановительные работы, благо рабочей силы было предостаточно. Сортировка пленных в лагерях города позволяла выявить и отобрать вполне квалифицированных исполнителей, и бесплатно использовать, а потом отправить в Германию. Полным ходом шло восстановление нефтебазы после страшного пожара в начале августа, унесшего сотни жизней на прилегающей станции. Оснащение лагерей сигнализацией и освещением тоже было в числе срочных работ.

Место жительства Степану Приберу Андрей велел сменить раз у после ухода наших. Слишком нервно могли отреагировать бывшие соседи на превращение Прибера в Приберга. Безопаснее было обосноваться в той части города, где его никто не знает. А ещё лучше, поблизости от "Завода литейного машиностроения". Интересы подполья к сортировочному лагерю DULAG 111 были связаны с планами пополнить свои ряды за счёт освобождённых. Была ещё причина сменить жильё – слишком близко к месту явки.

Ещё в августе возникла идея присмотреться к семье инженера Шлепужникова. Глава семьи был арестован, как враг народа, а к таким семьям немцы испытывали больше доверия, как к пострадавшим от большевистского террора. К тому же, они были, что называется, из "бывших", удивляло, почему не тронули жену и дочь. С девушкой Степан позна-

комился случайно в прошлом году. Даже не подозревая, из какой она семьи, просто решил проводить понравившуюся юную фею домой. Он так и прозвал её мысленно, плавные манеры, грация выгодно отличали девушку на фоне других комсомолок завода. А дома у неё сразу угодил на чаепитие и поразился количеству книг и той особой атмосфере, присущей старым интеллигентным семьям. Инженер до ареста преподавал в городском реальном училище, затем на рабфаке, привил дочери интерес к чтению. Это и сблизило Прибера с умной, начитанной тихоней, лишившейся большинства друзей после доноса на отца. Страстный любитель книг, Прибер с благодарностью воспользовался предложением матери брать у них книги для чтения. У неё тоже возникла симпатия к серьёзному молодому мужчине.

Именно о них тогда и подумал тогда Степан, выслушав доводы Караванченко о необходимости переезда.

– Да, – кивнул он, прогоняя сомнения, – думаю, мой паёк фольксдойче и зарплата инспектора помогут мне поддержать её семью в трудное время.

Оказалось, Караванченко тоже знал эту семью и сочувствовал инженеру. Андрея исключили из партии всего лишь за то, что при НЭПе организовал маленькую сапожную мастерскую.

* * *

Артель сапожников до войны располагалась на Интернациональной. Часть небольшого одноэтажного здания занимали художественные мастерские, местный фотограф и несколько сапожников. Так их легче было контролировать и начислять налоги. Но все конечно знали, что мастера втихую дома делают частные заказы. Каждый имел своих клиентов, умеющих держать язык за зубами, как и хорошие портнихи. Павлоград, как и любой местечковый городок, ещё до революции привык, что вокруг зажиточных евреев существовала своя каста мастеров. Позже, в советских магазинах большого выбора не было, да и дорого, вот каждый приличный мастер и был на виду, как уважаемый человек.

Районное начальство тянулось за областным, сапоги и френч, как у «настоящих партийцев». Расплачивались не только деньгами, изредка мукой или сахаром. Тем и живы были мастера в голодные 30-е.

Теперь сапожники обязаны были регистрироваться на Бирже труда. Либо вступить в артель, либо самостоятельно выкупить патент. Капитализм европейского образца – новый порядок.

Вернувшийся из заключения накануне войны, Семен Байбара преобразился. Из скромного советского служащего

Минченко – в хозяина жизни – начальника Биржи труда. Человека, отмеченного доверием немецких властей, уверенно посматривающего на всяких ремесленников. Свою настоящую фамилию он скрыл, афишировать свою приверженность к Петлюре в гражданскую не собирался, но нашлись "бдительные" – донесли. По счастью удалось отделаться ссылкой.

Мало кто догадывался о той степени ненависти к советской власти, которую испытывал Байбара.

Теперь даже те, кто редко с ним здоровался, при встрече сдергивали шапку и кланялись. Это было приятно, грело душу.

Пришло его время. Байбара всегда знал, что рожден для лучшей жизни. Вот только советским голодранцам его талант руководителя был не нужен – вдохновлять на ударный труд за почетные грамоты он не умел, а начальственных манер было явно недостаточно. Он считал, что рожден быть хозяином – "паном", как говорили в старину. Много раз жалел, что не уехал в родную Западную Украину или Польшу. Там понятие собственности уважали. Но ничего, он свое наверстает. Придется, конечно, послужить немчуре, но так ведь есть за что. Кто-то ведь должен присматривать за этим быдлом, так почему бы не он. Уж он-то знает, как их "стимулировать". Лучший стимул – страх, даже по сравнению с деньгами, страх эффективнее. Одно только обещание расстрелять

или отправить на работу в Германию действует лучше всяких денег. Люди, в массе своей мало чем отличаются от скота. Вот он и станет пастухом. Для начала, а потом посмотрим.

Когда его соседа Андрея Павловича Караванченко исключили из партии только за то, что скрыл, как при НЭПе был хозяином сапожной мастерской, Байбары в городе не было. Из ссылки вернулся уже перед войной, собрал информацию. Именно потому, что считал соседа обиженным на партию, надеялся привлечь к себе на Биржу в качестве доверенного человека. Андрей Павлович был спокойным и рассудительным человеком. Но, неожиданно для Семена, не оценил его широкий жест – смотрел настороженно.

– Спасибо на добром слове, Семен, и за доверие, конечно, благодарю. Я всё же к сапожному ремеслу как-то ближе, не обессудь. Вернусь к тому, что всегда прокормит. Да и дома трудиться как-то спокойнее. Артельщики мои бывшие уцелели не все, к сожалению, но вот Лука Ципура точно здесь. Его в конце лета списали по ранению, повезло мужику, в ногу ранило. В нашем деле сапожном главное – руки.

К сапожнику Луке приезжали даже из области, его сапоги были отменного качества. Жена София не сомневалась, выжила только благодаря мастерству мужа, а младшая сестра Настя уехала в Кронштадт вместе с женихом ещё в 1929.

Как они там? Старшие сестры Ульяна и Галина давно вышли замуж и уехали. Братья оказались на Соловках.

Байбара покивал, а сам подумал:

"Ну-ну, посмотрим, кто, чем дышит. Всех выведу на чистую воду и перед немцами репутацию заслужу. Ещё проситься придёт ко мне. К моим талантам хозяина ещё бы знание немецкого. Даже коммунячий вождь смог договориться с немцами благодаря маминому воспитанию. Жаль, у него не было такой дальновидной мамочки.

Кстати, кто-то ему говорил недавно о невестке Новиковых. Вот уж, где знания языка зазря пропадают!

Но первому к ней идти не годится, не по чину. Ещё возмнит о себе! Надо присмотреться, разузнать, где муженек, воюет, небось, где-то. Говорили детей трое. Такая зависимая от детей помощница ему бы точно не помешала".

Он давно ее видел, не запомнил. Виктор привозил её знакомиться со своей родней. Байбара тогда жил на Хуторах. Рыжеватая, невысокая девица – никакая.

Байбара любил всё основательное, в том числе и баб. Милицейский писарь Канавкин потешался над ним: "Каноны женской красоты, привитые кулацким воспитанием".

Семён сплюнул: "Сморчок! А хоть бы и так, лучше кулацкое воспитание, чем пролетарское. Ехидный был мужик,

меньше бы пил, может и уцелел бы. Всё памятью своей бахвалился, дурак: " У меня феноменальная память, мозги не чета вашим!" За феноменальную память и грохнули. Кретин! Даже не додумался сделать вид, что уехал в эвакуацию, как было приказано. Заперся дома и запил. А надо было не пить, а записать все списочки дома, да и принести немцам готовенькие. А то явился таким павлином красноносым прямо в комендатуру. Так его и ждали! Увидели пропитую морду да и вытурили. Немцы порядок любят, зачем им пьянь воноющая. Герру коменданту вникать в его лепет было некогда, вот и велели ему, дураку: "Завтра приходи".

А до завтра дожить ему и не дали, смекнули те, кому надо, зачем он в комендатуру припёрся. Эх, мурак, и себя угробил, и мне не помог всю эту нечисть красную к ногтю прижать. Цены бы его памяти не было, если бы мозги не пропил. Ему, Байдаре, тоже было тяжело жить в этой "советской действительности", но ничего не спился, сумел себя соблюсти. Ладно, пусть затихарились они до времени, всех вычистим".

С удовольствием посмотрел на свои новые сверкающие сапоги:

"Знает своё дело мастер Лука – сапожник от Бога. Грех такие руки было в окопах сгубить. Сапожники павлоградские всегда славились, не зря ещё при НЭПе в артель скантовались.

А это мысль! Надо немцам эту идею подать: организую

мастеров в сапожную артель. И себе копеечку заработаю и благодетелем выступлю. Кто им кроме немцев заказы обеспечит? Надо на кожевенном заводе пошарить. Хотя вряд ли что-то уцелело: что при отступлении не пожгли, то мужички растащили. Ну, ничего, жрать захотят – достанут запасы. Хороший товар на юфтевые сапоги при любой власти востребован, а уж когда немчура посмотрит на наш "квалитат" ... свой товар предоставят".

Это слово Байбары выучил одно из первых. Немцы то и дело тыкали ему в нос своё "немецкое качество".

Байбара вздохнул:

"Умеют собаки работать, что тут скажешь, да и то на них сейчас пол-Европы ищачит. Свояк из Запорожья рассказывал ещё перед войной: колонисты немецкие пашут как звери, и ханку не пьют, как наши. Пиво своё варят к праздникам. Одно слово – высшая раса. Вот только где они теперь..."

Кстати, о колонистах, невестка Новиковых кажется из колонистов. Добросовестная значит, старательная – арийское воспитание. Надо бы намекнуть старухе Давыдовне, что могу помочь невестке с работой.

Слишком нос задирает переводчик коменданта, с каждой бумажкой к нему не пойдешь, а понять, что начальство хочет важно вовремя. Надо внушить им со старухой мысль, что это не она мне нужна, а я им отец и благодетель".

Вот только обитают они на Хуторах, а повода туда явиться

у Семена не было.

Фронт всё дальше отодвигался на восток, писем от Виктора ждать не приходилось. Клара надеялась, что, как экспедитор военторга, муж вряд ли окажется на передовой, но в условиях тяжелейших боёв возможно всё.

Первое время люди ей сочувствовали, те, кто хорошо знал семью Новиковых, но после августовского указа о переселении немцев, Клара почувствовала некоторое отчуждение знакомых и родных свекрови. Подозрительность к немке была "узаконена" правительством. Не имело значения, что Клара родилась и выросла здесь. Это было горько.

По соседству жили Индюковы – многочисленная трудолюбивая семья в родстве с Новиковыми.

Изредка женщины вместе выбиралась на обмен в окрестные села, менять уже было нечего, в ход пошли вещи Александры Давыдовны. Да и оставить детей надолго было страшно.

Страшно было ходить через площадь на рынок, где до сих пор висели приговоренные фашистами активисты завода.

Активный характер Прибера не давал усидеть ему дома, толкаясь на рынке, чутко прислушивался к городским новостям и слухам. Кроме немцев и румын, в городе дислоцировалась итальянская часть, Степан с интересом наблюдал, с каким азартом они торгуются, бурно жестикулируют, в отличие от сдержанных тевтонов. Чем-то напоминали кавказцев, которых Степан видел в Крыму. По рынку были расклеены приказы оккупационных властей о добровольной сдаче оружия и регистрации на Бирже труда.

Все распоряжения заканчивались угрозой расстрела:

– за укрывательство раненных – расстрел

– за сокрытие коммунистов и их семей – расстрел...

Новый порядок проявился даже в переименовании улиц. Оккупационные власти вернули многие дореволюционные названия, особенно в центре города, где и разместили свои учреждения, сосредоточенные у Соборной площади (площади Ленина). Ортс-комендатура расположилась на Дворянской улице (бывшей Советской), по другую сторону – резиденция Гебитскомиссара Циммермана – Der Gebietskommissar Kreislandwirt Pavlograd заняла двухэтажное здание райисполкома, неподалёку – электростанция. В старинном здании почты на Соборной площади разместились Городская Управа, внизу – Биржа труда. Ближе к Харьковской улице – немецкий госпиталь и склады гарнизона.

DULAG 111

Приказ организовать лагерь для сортировки военнопленных Вебера не удивил. С конца августа, когда русские сдали Днепропетровск, ближайшие городки были обречены. Даже указом о выселении немцев Верховный Совет СССР укрепил немецкое командование в уверенности, что захват Украины неминуем.

Осталось найти территорию максимально подходящую для обустройства лагеря: хорошо огороженную крепким забором и примыкающую к железнодорожной ветке. Как правило, заводские площади уже имели всё необходимое, осталось занять место, причем быстрее ремонтников военной техники. Идеально подошёл полуразрушенный "Завод чугунного и стального литья" на юго-восточной окраине города. Плевать, что цеха в руинах, Вебер не собирался создавать условия неудачникам.

Все эти международные конвенции для европейских слабаков. Сверхнация – над законом!

На другом конце города был обозно-механический завод Магазинера (Химмаш), так его по старинке называли мест-

ные жители, но его территория не понравилась Веберу из-за близости к реке.

Сортировочный лагерь был обнесен рядами колючей проволоки и получил название "DULAG 111"

Биржа труда

Начальником Биржи труда – «Arbeitsamt» немцы назначили Байбару. Но фактически он подчинялся немецкому куратору Биржи фон Герникену.

Семен чувствовал себя уверенно, как же, такое доверие от немцев. В учетчицы хотел взять девчонок посимпатичнее и "поблагодарнее", но сообразил, что, обнаружив небрежность в учетных карточках, куратор может турнуть его с тёплого местечка. Поэтому учетчиц подобрал постарше: педантичную библиотекаршу Трофимову, знал её давно, как вьедливую старую деву. Вторую учетчицу взял по её рекомендации, рассудив, что если уж эта зануда сама готова работать в паре с кандидаткой, значит, ему вникать незачем.

Вечером в комнате учетчиц гестаповцы проводили инспекцию заполненных карточек. Отбирали часть по каким-то только им понятным параметрам и складывали в кар-

тотечные ящики. Задача учётчиц заключалась в следующем: оставшиеся карточки отмечали в регистрационной книге, а те фамилии, чьи карточки изъяли, переносили из книги в отдельную тетрадь. Видимо судьба этих людей была незавидной. Позже, к 1942 году, так и оказалось, это были кандидаты на вывоз в Германию – наиболее трудоспособная часть зарегистрированных на Бирже труда.

Те, кто не торопился встать на учёт, должны были предоставить квартальному инспектору либо справку о работе в артели, либо медицинский документ о нетрудоспособности. Многие, особенно девушки, пытались укрыться в окрестных селах у родни или знакомых. Но сельских старост тоже обязали вести строгий учёт.

– Одним словом – "Орднунг", – разглагольствовал Байбара.

На стене, вдоль которой висела очередь, пестрели немецкие указы и распоряжения – "aufruf". Ортс-комендатура вывесила приказ:

«Все трудоспособные жители Павлограда в возрасте от 16 до 55 лет обязаны трудиться.

В случаях самовольного выезда из города, а также неявки по повесткам биржи труда в течение 7 дней виновные привлекаются к ответственности как за саботаж, а имущество их

конфискуется.

Украинцы получают триста граммов хлеба, фольксдойче – девятьсот».

Пытавшиеся избежать регистрации на Бирже, не чувствовали себя в безопасности. Байбара называл их с издёвкой "экскурсанты", глядя на недоуменные лица учётчиц, смеялся:

– Поедут в Европу с вояжем.

За справку о работе в артели можно было выменять недельный запас продуктов. Причём артельщики предупреждали:

– Если придут с вопросами, скажу, что уволил.

Особенно ценились справки о принадлежности к артельным заготовщикам сырья, даже в случае проверки, отсутствие человека на рабочем месте выглядело вполне обоснованно: так ведь в разъездах работник – на заготовках, кожу скупает, дратву, за колодками поехал к плотнику. Кустари, оформившие личный патент, могли нанять себе подмастерье. Люди всеми способами пытались уберечь детей от вывоза в Германию.

Все последующие годы от уехавших, как правило, не было никаких известий. Изредка немецкая цензура пропускала

письма на родину, тех, кому повезло попасть не на завод, а в фермерское хозяйство батраками, где всё зависело от воли хозяина. Многие батраки жили впроголодь в хлеву, вместе со скотиной, но, за редким исключением, чаще в Австрии, владельцы небольших ферм не стремились придерживаться расовых идей и относились к рабам-славянам не хуже, чем к местным наемным работникам.

Те же, кто попадал на заводы и фабрики, были обречены. Особенно, если это было военное производство. Чтобы передать через фильтр цензуры весточку о своих умерших земляках, узники писали: "... поехала к своей тетушке или дяде ..." и указывали имя давно умершего родственника. Матери рыдали, получив такое письмо.

Сейчас многие историки пишут о том, насколько приблизительно учитывались наши потери, особенно такие.

Глава 5

Пётр

Тихой осенней ночью, вышедший из окружения под Уманью, майор Кравченко с осторожностью пробирался к сестре на Хутора. Долго высматривал их зарослей посадки, нет ли патрулей. Тихо, стараясь оставаться в тени сумерек, продвигался от дерева к дереву. Хутора всегда были самой зеленой частью города, почти у каждого дома палисадник с кустами. Листья ещё держались, это радовало.

К дому сестры проник через огород, долго прислушивался сидя у окна. В доме было тихо, мигал слабый огонёк свечи. Петр решил тихо постучать по стеклу, выходящему к огороду. Окно приоткрылось, и испуганный голос сестры выдохнул:

– Кто здесь?

Брат прижал палец к губам и придвинулся к раме. Миля охнула и бросилась в сени. На крыльце оглядела двор и тихонько прошмыгнула к боковому окну:

– Братик, родненький, живой... худющий какой... сейчас я...

Несколько дней Пётр просто отсыпался. Смыв с себя всю грязь, забрался на чердак и отключился, слышал сквозь сон, как сестра приносила поесть, укутывала старым кожухом. Наконец, вечером, спустился вслед за сестрой. Отстраненно подумал: хорошо, что лестница на чердак прямо из сеней, никто не увидит. Курить хотелось нестерпимо. Миля вытащила из печи чугунок с картошкой и шкварками и стала рассказывать:

– Когда стало понятно, что наши уходят, решила разобрать давно заложенный проход из кладовки на задний двор. Кирпич был битый, с разбора старых построек, почти без раствора – поддавался легко.

В самом начале оккупации, ещё в октябре, Меланья поймала себя на мысли, что теперь ей страшно выходить на крыльцо, отлично просматриваемое от калитки. Капитальных заборов жители Хуторов не ставили, почти у всех обычный штaketник. Идешь по улице к колодцу и здороваешься со всеми соседями, кого во дворах видно.

– А теперь мало ли кто на улице окажется. Фашисты сюда редко заглядывают, а полицаи так и шарят у кого самогон и закуску стрясти. Лучше лишний раз не показываться на глаза. Я поэтому и ставни на улицу не каждый день открываю. К счастью старое, но крепкое дверное полотно так и оста-

лось висеть на петлях. Каменщик предлагал его снять, тогда Меланья решила, что нет смысла доплачивать за эту работу. Меньше сквозить будет в щели. С приходом немцев, постепенно разобрала кладку и теперь благодарила себя за предусмотрительность.

Снова остро захотелось курить. Запасливая Миля достала старенький кисет, проворчала:

– Иди уж через кладовку, за сараем спрячься.

Между сараем и курятником, где свесы крыш соединялись, была ниша, удобная для хранения дров. В конце лета Миля перетаскала большую часть дров в сени. Решила, что поскольку входной дверью теперь лучше пользоваться изредка, то и места в сенях теперь столько не нужно. Полупустая дровяная ниша отлично защищала от ветра и дождя. Благодаря ветвям росших неподалёку старых вишен, разглядеть это укрытие было сложно.

Петр Онуфриевич курил, сидя в этом закутке под развесистыми, почти облетевшими вишнями и думал, что же делать дальше. Пока выбирался, запретил себе загадывать, сконцентрировался на мысли – только бы дойти.

Самокрутка быстро закончилась, поэтому в сумерках ничто не выдавало его присутствия. Низенький плетень отделял от соседнего огорода Новиковых. Вот и сегодня краси-

вая грустная женщина вышла в сумерках с корзиной, стала снимать высохшее белье. Петр уже видел её из чердачного окошка, хотел спросить у сестры, но промолчал. "Не о том думаешь, майор", – горько осадил себя.

Посоветовавшись с сестрой, решил вспомнить своё сапожное ремесло, как-никак трудился подростком в сапожной артели. Руки должны помнить, да и инструмент где-то в доме оставался.

Пока решили так: заказы будет приносить сестра, а потом через знакомого фельдшера попробовать оформить справку о контузии.

Квартальный придирчиво рассматривал медицинское заключение о том, что Пётр комиссован по контузии и призыву не подлежит. Плотный сверток с розовым салом помог ему справиться с сомнениями о подлинности сего документа.

– Ладно, Онуфриевна, помню я твоего брата и батьку помню. Вот ему справка о регистрации у тебя в доме, пусть пойдёт и встанет на учет на Бирже труда, как твой мужик. Немцы никому отлынивать не дают. А говорили, вроде он у тебя красный командир? Брехня? Ну-ну...

Выбираться из окружения 12-й армии Петру Кравченко пришлось долго. Рана, полученная ещё на Финской, в госпитале затянулась плохо – сказывалось общее измотанное состояние организма. Слишком короткой была передышка между финским позорным миром и допросами в НКВД. Спасибо, оставили в звании. Пытаясь хоть что-то узнать о семье, написал родственникам жены, но ответа не дождался. Новая война началась внезапно, и сообщить ему новый адрес не было возможности. Отступающие части редко получали почту – сказались неразбериха первых дней войны. Из-за подозрений НКВД, он, выпускник Академии Генштаба, имеющий опыт реальной войны, применить свой опыт не успел.

Именно поэтому Пётр принял решение пробираться не в сторону фронта, а в тыл захваченных территорий, к сестре. Это давало шанс легализоваться и осмотреться. Многие в Павлограде его помнили со времен юности, а о военной карьере не знали – он сестре об этом почти не писал. Не до того было. Спасибо старичок фельдшер, знавший его с детства, снабдил справкой о ранении, выписав её на фамилию бывшего мужа Меланьи – рядового Холода. Диверсионный опыт майора у партизан принес бы больше пользы, чем в фашистском концлагере или застенках особистов.

Рота майора Кравченко была практически уничтожена атаками фашистов под Уманью в августе 1941 года. Отступ-

ление было катастрофическим. Оказавшиеся с ним в окружении люди, отставали во время ночных переходов, раненых приходилось оставлять на милость сердобольных женщин, дававших ночлег и еду.

Постепенно понял: выйти к своим невозможно, самое паршивое – полная неизвестность, где теперь свои, где фронт. Израненного Петра нашли немецкие трофейщики, обнаружив, что человек с петлицами командира ещё дышит, швырнули на телегу для пленных Черкасского лагеря под Христиновкой. Побег из лагеря закончился в областной тюрьме Днепропетровска. Там, убедившись, что сотрудничать майор не намерен, гестаповцы бросили его в грузовик с приговоренными к расстрелу. Как ему удалось не разбиться, сиганув на ходу в заросший кювет, знает только Ангел-Хранитель Петра, он и привёл к лежащему без сознания беглецу женщину из Кулебовки, которая пришла собрать остатки ботвы на поле, недалеко от Новомосковска. Замаскировав его связками ботвы и старой мешковиной, притащила на тележке к себе.

Когда Пётр оправился от ран и голода, благодаря заботе вдовы и козьему молоку, крестьянка отдала ему старую одежду мужа и удостоверение сельского зоотехника. Рассудив, что за это время фронт продвинулся далеко на восток, майор решил пробираться в родной Павлоград, там на окра-

ине жила сестра Меланья Онуфриевна.

Соседкой и подругой Меланьи была свекровь Клары Александра Давыдовна. Тогда Пётр и представить не мог, чем обернётся знакомство с невесткой Новиковых. Вместо того чтобы упорно двигаться к фронту, рискуя снова оказаться в лагере, Кравченко решил найти применение своим знаниям в подполье.

Образование, полученное в Академии Генерального штаба, опыт боевых действий в Испании и Финляндии – всё это давало право майору преподавать в Академии имени Фрунзе слушателям командирских курсов. Военный специалист такого уровня вполне мог продумать работу подполья, профессионально взвесить риски. Но без надёжной информации из фашистской комендатуры и жандармерии настоящие стратегические разработки невозможны.

Сестре Кравченко несколько раз повторил инструкцию: "Если будут расспрашивать, откуда он прибыл, сказать так: списан по ранению ещё после Финской. Пытались призвать снова – дезертировал".

О том, что Пётр дослужился до майора, практически никто не знал, Миля считала, что чем меньше знают – тем меньше завидуют, да и Пётр никаких подробностей о своей карьере не писал. "Жив, здоров, служу" – в редких открытках

сестре.

Как и многие мужчины в Павлограде, Пётр с детства освоил навыки сапожного мастерства. Кожевенный завод, задолго до революции построенный недалеко от Павлоградских Хуторов на реке Гнёздка многим жителям давал возможность заработать. Миля была счастлива – любимый Петро жив, а его умелые руки не дадут им пропасть с голоду.

Миля пришла поделиться радостью к соседке, женщины часто навевались друг к другу через неприметную плетёную калитку между огородами.

В доме Новиковых было грустно, запасы Александры, не рассчитанные на четверых гостей, таяли с каждым днём. Земляные работы оплачивались Биржей труда по минимальному тарифу, как неквалифицированный труд. Почти месяц тяжелой работы изнурял молодую женщину нещадно. Несколько раз Кларе выдавали разрядку на работу в солдатскую прачечную на бывшем артополигоне. Сегодня она как раз вернулась с Биржи труда, и снова ни с чем. Кому нужен её опыт преподавания. Она и подсказала Меланье, что через Биржу можно оформить патент сапожника, дающий защиту от проверок и угона в Германию. Люди и так жили небогато, а теперь о новой обуви придётся забыть, так что заказы по ремонту Петру обеспечены.

Воодушевленная Меланья вернулась к себе и рассказала новости с Биржи труда. Очень кстати пришлось старые документы мужа Меланьи на фамилию Холод – на них и решили оформить сапожный патент для Петра.

– Вот только себе она, бедолага, ничего подыскать не смогла, – вздохнула Миля о Кларе.

– А кем она работала до войны? – заинтересовался Пётр.

– Та-а, моталась по гарнизонам за мужем офицером, преподавала в Прилуках под Черниговом.

– А муж Виктор на фронте?

– Ага, и деточек трое.

– А что же она преподавала?

– Так немецкий же ж, вона ж немка, из колонистов, шо под Запорожьем издавна жили. Их же бедных, кажуть, сослали...

– Как из немцев? И не смогла найти работу?.. – Пётр был удивлен и заинтригован таким поворотом, – да ведь немцы вправе получать паёк, как фольксдойче, я слышал 20 марок.

– Стыдно ей перед людьми, не хочет она, та и паспорт у неё на фамилию мужа.

Пётр замолчал. Тут было о чём подумать: "Жена кадрового военного, осталась без помощи с детьми, а пользоваться привилегиями и поддержкой от немцев не хочет..."

Что же, видимо человек она порядочный, привыкла надеяться на себя. Вот только... надолго ли её хватит? Надо приглядеться, понаблюдать по-соседски..."

В сумерках Петр снова на привычном месте под вишней присматривался к рыжеволосой женщине, её коса, обернутая вокруг головы, притягивала взгляд. Он узнал о ней немного, то, что услышал от сестры из разговора с соседкой. Сегодня ему показалось, что плечи женщины немного расправились, она что-то ответила дочери, даже улыбнулась ей, и он решился. Чиркнул спичкой по коробку, затянулся.

Звук привлек незнакомку, легкий поворот головы, глаза нашли источник звука.

– Добрый вечер, соседка, – негромко поздоровался майор.

Так и повелось. По вечерам, уложив детей, Клара присаживалась у плетня и слушала рассказы Петра, прошедшего войну в Испании и финское отступление. Кое-что она рас-

сказывала о себе, о детстве, о жизни немецких колонистов, о том, что муж Виктор тоже воевал в Испании.

Милю возмущала неосторожность брата:

– Чи ты знаешь, шо у неё за душой? То не важно, шо ейный муж тоже в Красной Армии! Чи ты казав, шо контуженный? Дывысь!

Но у Петра не было к ней недоверия, а к своей интуиции он прислушивался – тревожный звоночек молчал. Слушая его рассказы о пережитом, Клара представляла, что пришлось повидать её мужу. Возможно, они пересекались где-то, может в Испании. Майору эти вечерние тихие беседы помогали переосмыслить ситуацию, решить, как быть дальше.

Наши в конце концов, вернутся, а снова встречаться с НКВД не было никакого желания, имелся опыт после Гвадалахары в Испании и военных неудач в Финляндии. Нужно искать выход на подполье, он собирался использовать весь свой опыт для подрывной работы и практический, и полученный в военной Академии. И поможет ему в этом именно Клара, из разговоров с ней майор вынес четкий вывод о сходстве взглядов и представлений о жизни. Аналитик он был неплохой, это было отмечено и в его личном деле.

Её уровень образования, опыт преподавания немецкого в

Прилуках Черниговской области. Пришлось поехать с мужем по гарнизонам, менять работу, так что опыт выстраивания отношений с незнакомыми людьми у Клары явно был. Она понимала сомнения Петра лучше, чем сестра, прожившая всю жизнь на Хуторах и считавшая: «Жив – и, Слава Богу, сиди тихо».

Впервые Пётр предложил Кларе снова пойти на Биржу труда в конце ноября. И устраиваться по метрике на девичью фамилию Таблер.

Заморозки уже прихватывали по ночам, но говорить о важном при свекрови не стоило. Клара, как обычно, вышла вечером к плетню у сарая. Сестра Петра сочувствовала Кларе, но не приветствовала их знакомство.

– Зачем тебе эта немка? Неизвестно, шо от неё ждать. Таки, як вона первые идут на службу к фашистам. Полукровкам даже удостоверения специальные выдают "фольксдойче" – слово то какое, словно собака зубами щелкает – мне Татьяна казала, у их школьной библиотеке женщина работала, тыха така, нэпрымитна, а теперь оказалось: ейные родители нимци, вона и бумаги уси сохранила, и метрыку. Тэпэр получает специальный паёк, як представитель "Высшей ра-

сы", тьфу!

От и Клара эта, посыдыть с голодными дитямы, та и пойдёт на поклон к своим за хороший паёк. Диты, мабуть, тоже нимцями считаются, хочь и наполовину.

Петр мысленно повторил: "Чего от неё ждать... немка... Решено! Значит, её появление на Бирже в качестве немки никого не удивит. Люди заранее решили для себя, что ждать от немцев верности родине не стоит... а, если все и так относятся с подозрением, тем естественнее, что Клара пойдёт служить переводчицей".

Клара не соглашалась:

– Как ты себе представляешь мою жизнь, когда наши вернутся. Что скажет мой муж? А дети? ... Лучше прачкой, – виновато вздохнула. – Солдаты, особенно те, у которых дети, дают шоколад и галеты для моих...

Зима 1942

Глядя на скованные холодом улочки, Клара подумала: "А ведь зима чем-то сродни оккупации. Всё замирает, мороз атакует, слабые забиваются в укрытие в поисках тепла и безопасности, сильные сопротивляются, энергично двигаются, разгоняя кровь", – тряхнула головой, поморщилась, слыш-

ком примитивная аналогия. Черно-белая графика зимы вызывает унылые ассоциации. Угроза голода всё жестче напоминала жителям о себе. Уже давно картошку варили в мундире и ели вместе со шкуркой, последние клубни закончатся к Новому году. Что дальше?

Ночью над городом были сброшены листовки "Вести советской Родины", в них писали о провале немецкого наступления под Москвой, Тулой и Рязанью в ходе которого, за неделю упорных боёв немецкие войска потеряли около ста тысяч человек, сотни единиц техники.

На листовках красовались карикатуры КуКрыНиксов: "Наполеон потерпел поражение, то же будет и с зарвавшимся Гитлером".

Люди прятали листовки, передавали знакомым: «А Гитлер-то как вылитый – и фига под носом. На-кося выкуси! Тварь!».

Эти известия всю ночь переписывали Алексей Богдан и его жена Александра, выводили на бумаге по очереди – каждый по предложению – так легче было запомнить и успеть дописать.

На столе горела стеариновая свеча, слабо освещая радиоприемник.

Ждали половины двенадцатого. С первых дней войны в это время Москва передавала сводку Совинформбюро.

На рассвете плотно исписанные листки забирала Мария Филипповна Лубянская, чтобы отнести подпольщикам, трудившимся в типографии.

Дороги замело снегом.

Холода установились небывалые. Даже древние дубы Первомайского парка, заложенного ещё семьей Голенищевых-Кутузовых, не выдерживали, потрескивали от морозов. Город обезлюдел. Чёрные провалы окон заброшенных домов, как пустые глазницы. Ветер драл потускневшие афиши ещё довоенных фильмов.

Днепропетровск

Днепропетровск было не узнать. Ледяной ветер перегонял с места на место мусор, словно силился вернуть захламленному городу былую чистоту улиц. Оккупанты грабили предприятия и тащили жадными ручонками всё, что не успели вывезти на Урал. Предприятия погрузились в темноту, многие цеха были в руинах.

На Мостовой улице устроили концлагерь – целый квартал обнесли колючей проволокой, возвели вышки. Гестапо заняло здание металло-сварочного техникума.

Все приличные квартиры в центре были заселены представителями "высшей расы". Бульвар Карла Маркса пестрел полотнищами со свастикой.

В номерах люкс гостиницы «Астория» разместился обер-бургомистр Клостерман. Слетелись стервятники, учредили для торговли чёрным металлом сталелитейную корпорацию "Украинише гезельшафт фюр шталь". Химическая компания "Бистерфельд" тоже вознамерилась урвать свой кусок.

Глава 6

У Байбары

Уговорить Клару работать переводчицей помог случай уже ближе к весне: Александра Давыдовна встретила на рынке Байбару. Тот неожиданно проявил сочувствие к женщине с тремя внуками и невесткой на иждивении, намекнул, что подыскивает себе переводчицу, вернее уже почти нашёл и, если Клара поторопится ему помочь, может по старой дружбе помочь семье с продуктами. О том, что никакой дружбы между их семьёй и Семеном никогда не было, женщина промолчала, вежливо пообещала поговорить с невесткой. Все думали о том, как пережить предстоящую зиму. Запасы были, в основном, у деревенских.

На рынке пытались выменять поношенную одежду и обувь на муку и картошку. Кустари торговали самодельными зажигалками и конфетами из сахарина.

– Ты дывы, яки гарни чоботы – юхтови, пидошва бланкова, – уговаривал мужичок селянина. Тот придирчиво осматривал, торговался.

Советские деньги на рынке принимались по десять рублей

за марку.

Цены на базаре фантастические: килограмм хлеба стоит 250 рублей, масла – 6 тысяч, сала – 7 тысяч, стакан соли – 200 рублей. А рабочие стройконторы получают в неделю всего пятьсот да по карточкам килограмм хлеба из эрзац-муки.

Именно доводы свекрови растопили последние сомнения, совестно сидеть на шее у пожилой женщины. Всё равно соседи косо смотрят, так, по крайней мере, будет ясно за что.

Удивительно, как много в жизни человека значит случай. Встречи, казалось бы, случайные, а в результате меняется цепь событий и развивается по другой ветке вероятностей. Байбара и не подозревал тогда, что сам сделал шагок к своей гибели.

В кабинете Байбары было накурено, он уже прикидывал, чем займет свою помощницу вечером: "А что? Пусть проявит благодарность. Бабёнка симпатичная, должна проникнуться мыслью, что он её облагодетельствовал..." Но его фантазии развеяло в прах появление Лёхлера.

И принесло же не вовремя!

Начальник 134-го батальона дорожной жандармерии

Лёхлер пожаловал прямо с инспекции о состоянии дорог, примыкающих к станции. Ледяные дожди, распутица и ночные морозы сводили все усилия рабочих на нет, да ещё военная техника оставляла в сырой грунтовке широченные колеи, которые к утру превращались в каменные. Шеф жандармерии кипел бешенством. Байбара преданно таращил глаза и тянул руки по швам, стараясь понять причину высочайшего гнева. Отто хлестал Байбару перчатками по щекам и клеткотал на своём собачьем языке.

– Dummkopf! [(нем.) Болван!]

Пришлось Кларе вмешаться, едва она переступила порог кабинета и увидела картину унижения своего благодетеля.

Ровным голосом, с отличным произношением, она переводила оправдания начальника Биржи, пославшего на дорожные работы неумелый сброд.

Лёхлер успокаивался, его одышка уже не была такой мучительной, с любопытством разглядывал этот неожиданный подарок в лице спокойной миловидной женщины. Тупое непонимание этого борова и при этом суетливое желание угодить бесило невероятно.

Голос Клары, её манеры, преисполненные чувства собственного достоинства, превращали вспышку гнева Лёхлера в водевиль. Хозяева так себя не ведут, они лишь роняют приказы, в полной уверенности, что никто не посмеет ослу-

шаться.

Мягкотелому Лёхлеру хотелось чувствовать себя вот таким хозяином жизни, властителем судеб этих «недочеловеков». Именно война дала возможность изменить ему свой статус.

"А она – ничего..." – подумал Отто.

– Кто вы? – спросил он Клару подчеркнуто спокойно.

– Пришла устраиваться на работу. У меня трое детей и пожилая свекровь.

– Откуда такое знание языка, практически без акцента?

– Мои родители – немцы. Я из семьи немецких колонистов.

– Похвально, что в вашей семье чтят немецкие традиции. Вы мне нужны, я беру вас к себе в дорожную жандармерию в качестве *Hilfswilliger* [добровольный помощник (нем.)]

«Вот и всё, никаких вопросов согласна ли она? На какую оплату труда может рассчитывать? Поставил перед фактом. Тем лучше, всё произошло само собой».

Далекий фатерлянд, который Клара представляла по рассказам колонистов и книгам, оказался рядом и моментально

заставил себе служить.

"От бисова робота! Прыпхався жаба!" – мысленно возмутился Степан.

Во внешности Лёхлера, и, правда, было что-то жабье – рыхлое упитанное тело, глаза немного навывкате, одышка. Ничего общего с образом сверхчеловека.

Обер-штурмфюрер Отто Лёхлер не был жестоким человеком. До войны он занимался абразивными материалами в родном Кобленце, а на фронт угодил только потому, что не смог избежать мобилизации. Пост начальника дорожной жандармерии тяготил его, Отто откровенно скучал.

"По крайней мере, я не в окопах", – утешал он себя, но мотивация была слабой, часто мучила астма, одышка, так хотелось найти толкового подчиненного, на которого можно было спихнуть всю эту рутину, не видеть эти тупые рожи «ущербных славян».

Да ещё переводчик, направленный к нему шефом СД. Если быть откровенным, Лёхлер никогда не считал прибалтийских немцев, так называемых остзейцев, ровней себе. Белеый Ромуальд был неопрятен и туповат, но откровенно выказать ему своё пренебрежение и гадливость к мундиру, вечно обсыпанному крошками, Лёхлер не решался из опасения, что этот жирный прибалт приставлен к нему гестапо не случайно.

Всю жизнь Отто занимался абразивами. Это было интересно: шлифовальные круги, бруски, коронки из кварца, карборунда, плавным движением преобразующие тусклую поверхность в сверкающий глянец. Это гораздо увлекательнее службы в этой дыре.

Неожиданное появление Клары в кабинете начальника Биржи Отто воспринял, как знак, что его жизнь изменится к лучшему.

Воспользовавшись тем, что Курт фон Экке уехал по делам в Ровно и прихватил с собой ненавистного Ромуальда, Лёхлер прикинул, что лучшего повода сменить переводчика не предвидится. А к тому времени, когда штурмбанфюрер вернётся, станет ясно способна ли фрау чётко выполнять свои обязанности.

Считая себя гуманистом, Отто тешил своё самолюбие, воображая себя благодетелем и покровителем этой милой немецкой женщины. Конечно, арийская порода несколько подпорчена советским воспитанием, но всё же, немецкие семьи в колониях ревностно соблюдали и сохраняли истинно "немецкие ценности" и культуру Великой Германии.

"Ах, как жаль, что такая породистая арийка оказалась так далеко от фатерлянда. Но, с другой стороны, её присутствие здесь, хоть как-то примиряет с прозябанием в этой варвар-

ской стране. Вот только можно ли ей доверять? Сначала при-
смотрим к ней".

Лёхлер

Так волею судьбы весной 1942 года у Лёхлера появилась новая переводчица в Управлении 134-й Украинского добровольческого батальона охранной дорожной жандармерии Павлограда. Когда Байбара узнал, куда взяли Клару, то даже расстроился: взлетела птичка высоко. Теперь у неё свой шеф.

Обязанности были не сложными для Клары: обер-штурм-фюрер Лёхлер объезжал участки трассы, а когда чувствовал недомогание, вызывал к себе начальников дорожных постов назначенных из шуцманшафт, не владевших немецким. Фрау должна была четко всё переводить. Клара тщательно всё запоминала.

Лёхлер был трусоват и оттого подозрителен. Несколько раз оставлял на видном месте бланки с печатями, приготовленные к заполнению, для поступающих на службу в жандармерию – якобы по рассеянности.

После, тщательно их пересчитывал. Но Клара не прикасалась к ним, Пётр предупредил её о возможных ловушках.

Всё, что Клара рассказала о своей семье, обер-штурм-фюрер занес в личное досье переводчицы. Иногда, как бы невзначай, задавал ей какой-нибудь личный вопрос о близких, о детстве, в расчёте, что Клара собьётся и проговорится, если информация о ней – легенда. Но, в том-то и дело, что легенда Клара касалась только её мотивов служить Германии, а всё, что касалось информации о детстве и родственниках-немцах, было абсолютной правдой.

Пётр понимал, что Клара совершенно не имеет опыта разведки, не прошла подготовку в диверсионной школе, и сам тщательно продумал все ответы на возможные вопросы, максимально сохранив реальные факты её биографии. Опыт разведки в Испании и работа при военном атташе во Франции дали ему ясное понимание методов гестапо устраивать провокации.

После расстрела в лагере

Усвоив приёмы руководства Лёхлера, Клара всё чаще от-

правлялась вместо него на проверку состояния трассы.

Собранность и привычка к трудностям помогли Кларе быстро вспомнить свой преподавательский опыт и заставить дорожных рабочих подчиняться беспрекословно, без крика и бабьих истерик.

"Они должны меня уважать и понимать, что я способна их защитить от незаслуженной расправы. Нужно так себя поставить, чтобы они опасались подвести меня и делали всё на совесть. Тупым страхом этого не добиться. Сколько времени уйдет на то, чтобы завоевать, если уж не доверие этих голодных людей, то хотя бы не ненависть. От их усердия зависит моё положение в жандармерии. Я обязана доказать Лёхлеру свою преданность, чтобы он воспринимал меня не как обслугу, а как уверенного профессионала. Это оградит меня от его ухаживаний, которые скоро могут проявиться".

К счастью обер-штурмфюреру Лёхлеру было не до ухаживаний – астма не давала жить полноценно.

Вот поэтому Клара и напросилась сопровождать шефа в концлагерь. Нужно выглядеть "стальной" арийкой, чуждой сантиментам. Ужас и отчаяние, сковавшее мозг ледяной коркой, помогли соответствовать образу, но только до порога дома. Скрывшись за дверью от внимательных глаз водителя,

Клара привалилась к притолоке и осела на пол прямо в сенях. Она чувствовала себя грязной, словно облитой кровью этих измученных бедолаг.

В ушах до сих пор звенит.

Комендант лагеря Пауль Вебер во время расстрела на полную громкость включил старый граммофон, стоявший тут же на ящике, и труба ревела сотней здоровых мужских глоток. Пластинка была всегда одна и та же: марш фашистской молодежи.

В таком состоянии она напугает детей. Уткнувшись лицом в колени, Клара тихонько застонала, давая волю слезам, даже в голос зареветь нет возможности.

Кое-как проревевшись, она умылась из бочки, стоявшей в углу сеней, причесалась и, вытерев лицо насухо, вошла в дом. Дети, к счастью уже спали. Александра Давыдовна, ни о чём, не спрашивая, поставила на стол ещё тёплый чугунок с оставшейся картошкой.

– Поешь, доченька... тяжело тебе, – тихий, полный сочувствия голос, сжал спазмом горло.

– Спасибо. Не могу... Мне бы помыться.

Свекровь помогла согреть воду и ушла спать.

Стоя в тазу, Клара лила на себя воду из ковша и, словно

размывала страшную картину, запечатленную в памяти.

"Сколько ещё расправ и пыток придется увидеть на этой проклятой службе. Как не выдать себя?"

На рассвете вышла на задний двор и увидела сгорбленный силуэт Петра Онуфриевича у вишни. Страшные новости быстро расползаются по домам.

– Я ждал тебя вечером. Ты ... была там?

– Да. Так и не смогла уснуть.

Пётр Онуфриевич как мог, утешал Клару.

Её руки ходили ходуном, еле удерживая кружку с чаем.

– Не могу, я не могу больше их видеть! Они так торопились, что сбрасывали в яму ещё живых людей и смотрели, как недобитые пленные корчатся в пламени. Я до сих пор, когда слышу запах бензина, чувствую этот запах горящих тел... Господи! За что? Зачем я туда подошла...

– За тем, – нарочито жестко ответил майор, – что нельзя ничего прощать и ничего нельзя забывать! Они не любят оставлять свидетелей. Ты – наш свидетель, наша память, наши глаза, пристально наблюдающие за врагами.

Такой пафос Пётр не любил, но сейчас нужно было вер-

нуть Кларе опору через осознание своей важной миссии в общем деле.

– Я не могу это видеть... Они называют это «Зондербе-хандлунг» – "особое обращение" – распоряжение об уничтожении жертв.

Этим термином нацистские палачи маскировали в текстах акции уничтожения пленных и евреев, которые выполняли "зондеркоманды".

– Пойми, без тебя мы слепы. Ты наш источник в ортс-ко-мендатуре. Чем больше тебе доверия – тем больше у нас ин-формации. Этот расстрел на Литмаше – не последнее звер-ство. Из тех, кто может об этом рассказать, кроме тебя, ни-кого нет в живых. Мы ищем подходы к лагерю, пока безре-зультатно. Так нужен свой человек!

Постарайся сопровождать Лёхлера в каждой поездке.

В который раз Пётр подумал: "Какая удача, что дети Кла-ры оказались у свекрови, и ей пришлось здесь остаться".

– Пойми, Клара, за всё содеянное им, в конце концов, бу-дет предъявлен счёт. От тебя, в том числе, зависит, чтобы он был максимально полным.

– Знаешь, меня ужасают не столько зверства нацистов – они чужаки. Гораздо страшнее жестокость местных "обиженных".

Клара сидела на старой колоде под вишней, следы от слез поблескивали в огоньке папиросы Петра.

– Эти люди жили рядом, были добрыми соседями. А теперь превратились в извергов, удивляющих даже немцев своей жестокостью.

– Да, я знаю, – майор выдохнул дым в сторону. – Павлоград, в общем-то, город земледельцев. Рабочей косточки здесь немного, да и то, в основном, приезжие.

Пойми, для крестьян, издавна кормившихся землей, голод тридцать шестого года не просто "перегибы на местах". Это гибель их родных, крушение привычных устоев – труд вознаграждается достатком твоей семьи. Они отождествляют всех коммунистов с местными деятелями, стремившимися любой ценой доказать свою "эффективность" и пробиться наверх. Нас готовили к подполью и предупреждали ещё в Испании: националисты – опора фашизма.

Крепись, моя хорошая. Ведь у тебя тоже есть повод для обиды на Москву за высылку твоих соплеменников. Теперь ты понимаешь, что именно этнических немцев первых подвергли проверке на лояльность. Твой отец был прав. На этой

"обиде" и сыграем для усиления к тебе доверия со стороны Лёхлера.

Пётр был на десять лет старше Клары, родился в 1903 году, а интонациями, спокойными, рассудительными доводами сейчас очень напомнил Кларе отца.

– Я думаю, лучше не изображать из себя "несгибаемую арийку", пусть Лёхлер видит, что твоя попытка сыграть жесткую циничную нацистку провалилась, что боишься ненависти горожан. Лёхлер всё же мужчина, а для любого мужчины, даже такого, в подкорке заложена потребность защищать женщину, самку. Их "самки" далеко, в фатерлянде. Ты олицетворяешь их здесь. Вполне естественно, что ты, как мать, боишься за своих детей.

– Я больше не могу жить вблизи лагеря. Лёхлер поселил меня на территории подсобного хозяйства, обещал на время, пока не подыщут мне жильё в центре. Даже поручил своему шофёру Отто отвозить меня туда по вечерам. Я шофёру, как бы, между прочим, сказала, что купила детям гостинцев у подсобников, на случай если донесут, что ходила к свекрови. Мне пришлось одеться как можно неприметнее, чтобы навестить детей.

– Я думаю, что в подсобном хозяйстве к тебе приставле-

ны "уши и глаза" гестапо. Лёхлер тянет с твоим переездом именно по распоряжению Экке, пока они тебя проверяют. Не приходи слишком часто.

– Да, я думала об этом и, похоже, ты прав. Вот поэтому я не хочу сейчас забирать туда детей, а после этого ужаса в лагере, тем более.

Плохо, что я не могу сюда приезжать каждый день, как раньше, дети засыпают, не дождавшись меня. Александра Давыдовна целый день с ними, устает очень. А если я передо в центр города, как советует Лёхлер, с кем я их оставляю?

– Мы что-нибудь придумаем, найдём тебе помощницу. Пусть все считают, что ты разорвала всякие отношения с родней мужа, тем более, что он для немцев – красный командир. Так лучше. Не исключено, что гестапо собрало о твоей семье детальные сведения. Помни о возможности новых провокаций.

Ты пока вникай во все подробности, заводи знакомства сотрудниками немецкой канцелярии, с инженерами и техниками Организации Тодта (военно-строительная организация рейха с 1938 года возглавляемая Фрицем Тодтом – генералом-инспектором путей сообщения Германии).

– Да, я заметила у большинства посетителей канцелярии мундиры оливкового цвета с красными треугольными вым-

пелами на рукаве. Наш добровольческий батальон относится к Организации Тодта. Писарь пояснил мне, что это чешская форма, приспособленная для тодтовцев, поэтому такой цвет.

Только теперь Клара в полной мере поняла своего деда по матери. Старик уходил на всё лето в луга, строил шалаш и жил на отшибе, присматривая за стадом колонистов. Днём ему помогали мальчишки и большой пёс.

Как-то на вопрос внучки: "Не страшно ли ему ночью одному?" дед ответил:

– Лучший способ жить с людьми – жить вдали от них.

Вздохнул, понимая, что детское восприятие мира не готово к такой философии, засмеялся и пошутил:

– Зря меня родители не назвали Фридрихом, – повел рукой вокруг и добавил, – было бы полное соответствие с моим полем. (Название села колонистов "Фридрихсфельд" в переводе с немецкого – "поле Фридриха").

Пётр зажёл новую самокрутку, сокрушенно вздохнул:

– Лебенсраум – "Жизненное пространство" (нем.) – идеологический постулат фашизма, оправдывающий захват чужих территорий и уничтожение местного населения. Немцы не оставляют в живых тех, кто знает подробности, убирают исполнителей тоже.

– Не в этот раз. Хотят запугать жителей до смерти. В ортскомендатуре говорят о новых отрядах партизан, на днях пустили под откос эшелон у деревни Варваровка. Немцы снова вызвали карателей.

– Эх, предупредить бы! Но связи с ними нет. Я один, совершенно не представляю где их искать. Пойду в лес, в сторону Карабиновки, до войны приходилось там бывать.

– Не вздумай! Отряды карателей и полицаяев направили именно в ту сторону.

– Ну и что? Возьму немного вещей, якобы для обмена – многие из города ходят в Карабиновку за продуктами. До войны было зажиточное село. Значит не всех смогли уничтожить в декабре.

– Это же опасно и далеко!

– Документы у меня в порядке, ты же знаешь, кварталальный зарегистрировал у сестры, как списанного по ранению инвалида.

– Ладно, вижу тебя не убедить, постараюсь поехать с рабочими в ту сторону и быть поближе к Карабиновке, скажу Лехлеру, что этот участок дороги на Новомосковск требует срочного ремонта.

– Ну что ты, зачем...

– А если тебе в лесу попадётся провокатор? Из местных? На нём же не написано, что он из отряда.

– Сразу видно, что ты не представляешь, что такое схрон в лесу. Отличить человека укрывающегося в схроне легко по прокоптившейся у костра одежде. Даже если прятать костер в яме или на дне балки, запах от продымившегося лапника впитывается в телогрейку и отличается от запаха очага в хате. Финны это хорошо умели унюхать.

– Ну, а если тебе удастся встретить нужного человека, не факт, что тебя не примут за провокатора.

– Не бойся, я умею быть убедительным, майор, как-никак.

– Ну да, "цельный майор", как уважительно говорил наш интендант в Чернигове.

– Ага, – Пётр ободряюще улыбнулся Кларе.

Весь день прошёл в тревоге на Новомосковской трассе. Машинально давала указания, пристально следила за окрестностями. Даже староста бригады ремонтников напрягся, с чего такой контроль. Может, ожидается приезд немецкого чина.

Вернувшись в жандармерию, ответила Лёхлеру невпопад. Он заметил, что выглядит помощница неважно.

– Фрау Клара, вы здоровы?

– Да, спасибо, просто не смогла уснуть.

– Такие экзекуции не для женских глаз. Вам не стоило туда ехать, нужно выпить и поспать, я отпускаю вас домой.

– Спасибо, меня знобит, целый день провела на трассе, просто замерзла.

– Я скажу моему шофёру отвезти вас, – Лёхлер взмахнул

рукой – жестом, отсылающим лакея.

– Благодарю вас.

"Скорее, скорее домой, может Пётр уже вернулся".

Но в его комнатке, выходящей окном на огород, свет не горел. Клара простояла у плетня до темноты. Изредка на ситцевой занавеске в кухне появлялся силуэт сестры Кравченко.

– Мама, мама, ну где ты? Почему мерзнешь тут? Целыми днями тебя не видим, – Виктор тянул её за рукав.

"Да, в самом деле, в последнее время я прихожу редко, когда дети уже спят, так нельзя".

Ещё одна бессонная ночь.

Кравченко вернулся под утро. Замерзший и печальный, не удалось предупредить. Лес, словно вымер, даже местных не видно. Всё до последней ягодки собрали ещё летом, за дровами и хворостом так далеко не углубляются.

Увидела в ставшем таким близким окне язычок керосинки, Клара тихонько выбралась из спящего дома. Пётр курил у плетня, замер, услышав её осторожные шаги.

– Ты что? Почему не спишь...

Клара скомкала его шарф:

– Господи, как хорошо, что ты цел.

Пётр перешагнул низкий плетень, неловко погладил её по голове:

– Ну что ты... что со мной станется, зря только попёрся без толку. Время уходит, а я тут отсиживаюсь. Пойду на рынок, потолкаюсь среди людей, может, кого из знакомых увижу.

– Что с тобой делать? Как ты можешь узнать, кто, чем дышит? Скажешь лишнее, донесут, многие знакомые знают, где живёшь.

– Отсидеться не выйдет, тем более мне, кадровому офицеру, наши ведь спросят, за липовой инвалидностью не спрячусь.

Пётр Онуфриевич тех, кто предпочитал отсидеться и не высываться, не осуждал, но в разговорах иронично называл таких "тюря". Но по поводу партизанских отрядов в лесу как то высказался Кларе:

– Чушь несусветная партизанить в нашей местности! Разве это лес! От карателей в таком не укрыться. Как же мало

толковых командиров. Ты не представляешь, какие зелёные юнцы приезжали на командирские курсы. А сколько их осталось в финских лесах в безымянных могилах. Если бы сюда в подполье успели направить, хотя бы пару тех, кто был на Финской, таких огромных потерь в схватках с карателями удалось бы избежать. А история с несчастными пленными, оставленными в лесу, просто преступна. Зачем было освобождать из концлагеря и тащить в лес измождённых людей в такие морозы.

Последствия той карательной операции наполнили души сельских жителей ужасом.

– Эх, ну до чего обидно сидеть без связи, – Пётр обжёг пальцы и в раздражении притопнул искры от самокрутки.

Таким взвинченным Кларе ещё не приходилось видеть майора, она покачала головой:

– На рынке полно полицаев. До сих пор не сняли повешенных после показательной казни.

– Ну, я же не снимать их туда иду.

– Да я целый день места себе не находила, вторую ночь не сплю.

– Так! Быстро спать! Тебе ещё работать целый день, – Пётр легонько подтолкнул Клару в спину и скрылся между вишнями.

Отто Лёхлер чувствовал себя паршиво после расстрела пленных в лагере. Его попытка самоутвердиться, изображая из себя жесткого нестигаемого солдата фюрера, удалась плохо. Застрелив несколько пленных из собственного пистолета, он лишь на короткое время ощутил воодушевление, ведь он – орудие воли Божьей, создавшей Великий рейх.

Утверждение Вебера, что эти бедняги намеревались бежать и поэтому подлежат расстрелу согласно приказу "Кугель" выглядело сомнительно. Они от истощения с трудом дошли до ямы. Куда им бежать!

[Секретный приказ "Кугель" – "Пуля" (нем.) приказ гитлеровского верховного командования о немедленном расстреле военнопленных в случае попытки побега. Кроме пленных из Америки и Англии.]

Семья Лёхлер в Кобленце считалась набожной. Слабый, тщедушный подросток Отто чувствовал себя неуверенно со сверстниками. В юности увлекся обработкой материалов.

Его восхищала твердость шлифовальных камней, легкость с которой абразивы убирали всё лишнее, придавая деталям нужную форму. Возможно, он подсознательно пытался компенсировать твердость своего характера.

В шлифовальном процессе была завершенность и определенность, не было зыбкости, которую Лёхлер ощущал в общении с людьми. Говорят одно – думают совсем другое.

Клара заверила обер-штурмфюрера, что знает людей, которые даже в условиях оккупационного голода, могут помочь с качественными деревенскими продуктами. Мёд, пышный белый хлеб, откормленные гуси были недоступны в городе. Лёхлер обрадовался возможности побаловать себя настолько, что предоставил фрау Таблер свой автомобиль с шофером.

Впоследствии это с успехом смогли использовать подпольщики. Лучшего способа перевозки листовок нельзя было и придумать. Кому придёт в голову обыскивать личный автомобиль шефа жандармерии?

Неожиданно для себя Лёхлер почувствовал некое подобие симпатии к фрау Таблер. Конечно, её сложно считать полноценной немкой, советское воспитание не могло не испортить арийскую породу. Но выбирать не приходилось. Истинные арийки были далеко, а то, что Клара была "второй сорт" как

раз позволяло Отто чувствовать себя с ней гораздо уверенней, чем с женщинами в Германии.

Клара своей "второсортностью" как бы ставила Лёхлера на небольшой пьедестальчик, с которого он позволял себе снисходительный тон. Его самолюбие грела роль покровителя – так приятно было чувствовать себя хозяином чьей-то жизни.

В душе Циммермана массовый расстрел пленных оставил двойственное чувство. С одной стороны – это сродни прополке от сорняков, образцовый порядок во вверенном ему Павлограде причудливо ассоциировался с ухоженной оранжереей. С другой стороны ...

"Только благородные растения имеют право на жизнь, – рассуждал "цветовод", – пленные – это сорняки, подлежат уничтожению, но рачительный садовник превращает сорняки в компост. Возможно, Вебер прав: пленных целесообразно использовать на благо Германии после тщательной сортировки. Военные заводы рейха работают на пределе, вот пленные и заменяют, ушедших на восточный фронт. Жаль, что бендеровские и власовские формирования не столь многочисленны, как хотелось бы".

Отбирать из пленных трудоспособных и лояльных Великой Германии работяг Циммерман решил поручить непосредственному начальнику концлагеря Веберу.

"Его идея – ему и хлопоты. Вот и подберет мне рабочих для строительства оранжерей..."

Всё же интересно: зачем фрау Клара захотела присутствовать на расстреле в лагере? Для женщин такой интерес не характерен, во всяком случае, женщин своей семьи Генрих не смог представить на подобной акции. Наверное, Клара хочет уподобиться женщине-валькирии из арийских эпосов. А может это банальная жажда мести за своих родных, отправленных в ссылку..."

Циммерман ещё в молодости решил, что попытки постичь мотивацию женских поступков – задача непосильная и потому бесполезная.

"Тем лучше. Участие в подобных "мероприятиях" не прибавит ей симпатии в глазах местных. Скорее всего, она стремится доказать свою полезность и лояльность исторической родине. Это проще и понятнее. Доктор Геббельс даже выдвинул теорию о "голосе крови", о подсознательной памяти предков. Генетическая память цветов обеспечивает чистоту сорта и дает возможности для селекции.

Не зря же фюрер так поощряет работы по созданию сверхчеловека – свободного от лишних эмоций, вроде жалости к

побежденным.

Доверенные лица из "фаулейтэ" доносят, что Клара появилась в Павлограде из-за детей в конце августа...

А если она оставлена по заданию подполья?

О расстреле пленных горожане узнали из листовок, найденных на рынке. Кроме подробностей расправы, листовки содержали свежие сводки Совинформбюро и призывы к саботажу. Подполью не выгодно провоцировать ненависть к ней, если она их человек...

Бог мой! Насколько приятнее иметь дело с растениями, среди цветов проводится постоянная сортировка. Население этого беспокойного города нужно рассортировать и выявить неблагонадежных. Вот только как? ...Н-да, для жан-дармерии задача неподъёмная, придётся привлекать гестапо. А ведь они обязательно спросят его о Кларе... Неприятно".

Комендант полиции распорядился взять на особый учёт всех приезжих и неблагонадежных:

"1. Семьи комсомольцев, коммунистов, красных командиров, активистов и сочувствующих внести в специальные списки.

2. Усилить охрану всех важных объектов и концлагерей".

На вопрос Клары:

– Для чего нужны списки?

Шеф ответил:

– Это – потенциальные заложники, в случае нападения на немецкого солдата или, не дай Бог офицера, сто человек будет показательно расстреляно, из списка. Приказ штандартенфюрера СС – руководителя ЭЙНЗАТЦГРУППЫ "Б".

Адъютант доложил:

– Никаких контрдействий в городе за текущие сутки не зарегистрировано. Полиция расклеила необходимые приказы. Из местных людей, пострадавших от Советов, создается городская полиция.

Глава 7

Встреча на рынке

Пётр Онуфриевич неспешно шёл к рынку. Старая металлическая вывеска «Базар» на кирпичных столбах выглядела как прежде. Сколько себя помнил Пётр, все новости города стекались сюда.

«Да – а, обеднел базар» – подумал майор. Вдоль стены с лавками вытянулась очередь за хлебом, ждали, наверное, со вчерашнего дня. Торгующих за полупустыми прилавками было мало. Соль, крахмал теперь продавали мерными ложечками, а не на вес, как раньше. Да и то, чаще меняли на вещи.

Полицаи вели себя нагло. Под видом проверки документов придирались к предъявленным бумагам и вымогали приглянувшееся у несчастных, угрожая отвести в полицию. Твари!

Неожиданно в серой массе людей мелькнул знакомый силуэт. Пётр решил не догонять, а сделать круг и выйти на встречу человеку.

«Да, точно, лицо знакомое, вот только откуда ...» – память

Петра не давала ответ.

Худощавый мужчина стрельнул глазами, и во взгляде тоже мелькнуло узнавание.

«Значит, не показалось» – майор остановился у старика, торговавшего махоркой, прикрыл глаза, примерил мысленно форму, как учили. Петлицы со знаками различия на форменном воротнике послушно дополнили образ: Академия имени Фрунзе. Именно там его видел.

Знакомец не торопился уходить, внимательно окинул взглядом проход между прилавками, отошёл к стене с витриной магазинчика подождал, пока Пётр двинется к выходу.

«Смотрит за мной в отражении стекла. Насторожен». Майор не спешил, дал ему возможность осмотреться и принять решение.

Так и вышло. Поравнявшись с ним, Кравченко услышал:
– Закурить не найдётся?

Протянул спички.

Склонившись к огоньку, парень тихо выдохнул:
– Узнаёте? Я Костя Рябой, был слушателем, как и вы.

Так же тихо Пётр ответил:
– Точно. Ты как здесь?

– Да у тёщи живу. Служу конюхом в стройконторе.

– Ясно, а я сапожничая понемногу.

– И всё? – в глазах Константина засветилась лукавая искорка. Рябой не сомневался, что майор не может просто так по своей прихоти стать сапожником. – Давай, встретимся вечером, подходи к семи в конюшни со стороны проулка. Там калитка будет открыта.

Пётр кивнул, прощаясь.

Бродить по городу до вечера не хотелось, но провериться не мешало. Покружив переулками и убедившись, что слежки нет, Кравченко вернулся к сестре.

Уже в сумерках, прихватив отремонтированную пару обуви, на случай, если остановит патруль – предъявить вместе с патентом, майор отправился к заднему двору стройконторы.

Рябой ждал. Провёл Петра Онуфриевича через неприметную дверцу в торце конюшни, рядом с калиткой.

В крайнем отсеке, не занятом лошадьми, конюхи соорудили себе уютный закуток. На ящиках и тюках с соломой лежали изношенные ватники. С прохода между стойлами си-

дящих и не разглядеть за высокими перегородками.

– Проходи, гость дорогой. Это наш с мужиками кабинет. Я дежурю сегодня, а сторож у главного входа сидит. Здесь нас никто не услышит.

У торцевой стены из старого кирпича потрескивала буржуйка.

Тусклые лампочки, горевшие в проходе, слабо освещали беленую стену с окошком у потолка.

Пётр нащупал в кармане, захваченные на чердаке мелкие яблоки, протянул одно Рябому, изображая смущение, спросил:

– А можно ... угостить? – кивнул на соседний загон.

– Давай, – хмыкнул Константин.

«Похоже, догадался, что я проверяю: нет здесь кого то ещё. Ну и ладно».

Лошади деликатно приняли угощение, пегая благодарно ткнулась в шею бархатными губами.

Майор присел на ящики, прислонился спиной к дощатой перегородке, прислушался к себе: ощущения опасности не было. Лошади аппетитно хрустели сеном, шумно вздыхали.

Тепло от буржуйки приятно согревало, мирная обстановка располагала к беседе.

Разговор этих кадровых военных, разными дорогами оказавшихся в Павлограде, был похож на прогулку по минному полю. Каждый ждал откровенности от собеседника, а сам остерегался открываться.

Первым не выдержал Константин:

– Слушай, это похоже на пляску с медведем: шаг вперёд – два назад. Пока не сможем доверять друг другу, каши не сварим, – совсем тихо добавил, – меня направили из штаба разведки фронта установить связь с подпольем...

Многое открыли они друг другу. Позже Пётр Онуфриевич понял для себя, почему смог довериться Константину, не побоялся предательства и провокаций. В какой-то момент осознал: если никому не доверять, выйти на подпольщиков никогда не сможет. Вот и положился на свою интуицию.

Информация, которой поделились с Константином в штабе разведки перед отправкой, была крайне скудной. Сказывалась сумятица постоянных отступлений. Адреса явок нужно было проверять. Майор стал для Рябого отличным проводником в незнакомом городе. В свою очередь, городские новости и слухи, стекавшиеся в стройконтору со всех объектов реконструкции, затеянной оккупантами, были весьма

информативны для Петра.

март 1942

Сташков

Андрей Павлович Караванченко взял из рук девочки томик стихотворений. Люда Грушко приходила с парой поношенной обуви, в каблуке или подкладке голенища была спрятана шифровка, ключом к которой был томик стихов.

Николай Иванович Сташков жил в Павлограде под фамилией Мысов Василий Иванович, связывался с Андреем шифрованными записками. Цифры означали номер страницы, номер строки по порядку сверху и номер буквы в строке. Если не знать о какой книге речь, расшифровать невозможно. Чаще всего томик Лермонтова хранился у школьницы Люды, и книгу и записки девочка приносила Петру Ильичу Зуеву – соседу Андрея, а тот передавал Караванченко. Ответы отправлял по другому каналу совсем другим почерком, такие предосторожности совсем не казались лишними после провала Днепропетровских подпольщиков.

Люда Грушко звала Сташкова «дядя Вася».

Цвет бумаги, служившей обложкой, менялся. Это был условный знак – Сташков просил о явке. После той зимней встречи в лесу с командирами партизанских групп, они не виделись. С тех пор многие погибли в стычках с фашистами и облавах карателей. Устроенные в лесу схроны и землянки не спасали зимой.

Прилегающие к редким лесам сёла, оказались под пристальным вниманием карательных батальонов и полицаев. Такой лес не мог служить надежным укрытием, пришлось искать убежище Николаю Ивановичу у проверенных людей в Павлограде, иногда в Новомосковске, под видом квартиранта или родственника. Долго задерживаться нигде нельзя. Сташков был измождён и простужен, ему предстояло обойти всю область, чтобы восстановить связи подполья после череды провалов в Днепропетровске.

Чаще всего встречались у Садовниченко, вырабатывали способы диверсий на предприятиях города и железной дороге, обдумывали возможность спасения пленных из концлагеря, готовить к восстанию запасы оружия и боеприпасов.

Полицай Михаил Ларцев, тоже подпольщик, наблюдал за улицей, подстраховывая эти встречи.

Караванченко не спрашивал, где Сташков живёт – лучше

не знать, но и отпустить его в таком состоянии опасно, отлежаться надо, человек с температурой не в состоянии бдительно отслеживать окружающую обстановку.

Все контакты со связными Андрей Павлович вёл через сапожную мастерскую, неприметная будочка недалеко от рынка естественно вписывалась в городской ландшафт. По месту жительства Андрея страховал надежный сосед Пётр Ильич Зуев. Дом был общий на двух хозяев. Сначала связной заходил в его квартиру и, лишь убедившись в надежности посетителя, старик Зуев звал Андрея к себе.

Новости были тревожными. В здании школы фашисты разместили 213-ю карательную дивизию СС барона фон Чаммера, там круглосуточно шли допросы захваченных во время нового карательного рейда по окрестным лесам. Большая часть партизан погибла в Орловщанском и Самарском лесах. Прятаться в жидком редколесье было негде. Пришлось остаткам отрядов раствориться среди местного населения. Уцелели единицы, те, кому было поручено выбираться поодиночке, чтобы выйти на связь с подпольем, поэтому они ушли накануне из лесного лагеря. В их числе ушёл и Сташков.

Николай Иванович устроился делать зажигалки вместе с соседом железнодорожником. Спичек не хватало, и на зажи-

галки возник естественный спрос, причём их охотно покупали и румыны и итальянцы, чаще меняли на шоколад.

Металл брали из гильз, валявшихся в избытке. Дочь хозяйки дома Люда снова зашла с томиком стихов – своеобразной шифровальной книгой, отнесла сообщение в сапожную мастерскую Андрея Павловича. Зашифрованное донесение, как всегда, было в каблуке на этот раз стареньких маминых туфель.

Угрозы

В штабе карательной дивизии барона фон Чаммера не хватало переводчиков. Специальная команда "хауптманншафт" провела ещё одну успешную карательную операцию "Самара" по захвату партизан. На некоторых допросах генерал Чаммер присутствовал лично. Пришлось Лёхлеру откомандировать Клару в штаб карателей. Скорее всего, решил совместить с очередной проверкой. За несколько дней непрерывных допросов у Клары появилась седая прядь.

Особенно барона взбесила дерзкая акция молодых подпольщиков.

На всех щитах для объявлений, установленных возле каждого дома сельских старост и управах полиции, регулярно вывешивали "AUFBRUF" распоряжения и указы. Один из таких листков и принёс полицай.

Под орлом со свастикой в два столбца на листе размещался приказ: слева текст на немецком, а справа, как обычно, перевод на русском языке.

Особенность была в том, что "перевод", внешне совпадая по размеру текста и шрифту, призывал не выдавать партизан немецким властям, а наоборот всячески поддерживать.

AUFBRUF

Partisanen sind Deine Feinde!

Sie rauben Dein Vieh und Deine Nahrung.

Partisanen bedrohen Dein Leben!

WER PARTISANEN BEHERBERGT, UNTERST;TZT
ODER

IHREN AUFENTHALT KENNT, OHNE IHN
ANZUGEBEN,

WIRD MIT DEM TODE BESTRAFT.

Das Dorf in dem Partisanen Unterst;tzung
finden, wird abgebrannt, die Einwohner enteignet,
der Starost erschossen. Es ist Dein eigener Vorteil,

wenn Du meldest! Du sicherst Dir Dein Leben
und erhaltst ausserdem eine hohe Belohnung
an Geld oder Land

Nieder mit den Partisanen!

Helft den Weg für ein freies, glückliches Leben
ohne die Henkershand der Kommissare ebnen!
Jeder ist verpflichtet ihm bekannte Aufenthaltsorte
und Stützpunkte von Partisanen sofort
zu melden an – Dmuhaylovka –
oder an die nächste deutsche Dienststelle
Die Angaben werden streng vertraulich behandeln.
Der Kommandanturen

ВОЗЗВАНИЕ

Партизаны великая сила!
Немцы отступают под ударами советских воинов.
Партизаны, бейте их с тыла!

НЕ ДАЙТЕ НЕМЦАМ УЙТИ ЖИВЫМИ. ЗАДЕРЖИ-
ВАЙТЕ ИХ.

ВЗРЫВАЙТЕ МОСТЫ, МИНИРУЙТЕ ПУТИ, ДЕЛАЙ-
ТЕ

НА ДОРОГАХ ЗАСАДЫ И ЗАВАЛЫ.

Отступая, немцы звереют ещё больше.
Они жгут сёла, уводят с собой на смерть
всех взрослых и даже детей.
Твою собственную хату они подожгут,
твою семью истребят. Ты
обеспечиваешь свою жизнь и жизнь
своих родных, уничтожая гитлеровских палачей.

Помогай партизанам!
Помогайте святому делу -
истреблению кровавых гитлеровских банд.
Каждый убитый тобою немец избавляет
тебя, твоё родное село – Дмухайловку–Магдалиновку–
от ужасной немецкой власти.
День освобождения нашего уже близок.
Командующий партизан

Когда барону перевели правую часть листа, на несколько томительных минут повисла мрачная тишина. Полицай уже клял себя последними словами за то, что сунулся в надежде на награду. Какой-то фельдфебель побагровел, сдерживая так некстати рвущийся кашель. Наконец фон Чаммер отложил лист и встал, похлопывая себя перчатками по обшлагоу рукава, прошёлся по кабинету:

– Смело! – прошипел барон, – но глупо. Старост допросить! Всех причастных к провокации выявить и повесить! В случае саботажа розыска и укрывательство, взять в заложники семьи старост!

– Напоминаю! До сих пор не найдены причастные к подрывам автомобильных мостов у сёл Карабиновка и Знаменовка, к уничтожению трёх тягачей с топливными цистернами у Новотроицкого хутора, к поджогу казарм итальянских мотоциклистов, размещенных в Песчанке. При отсутствии результатов через пять дней, приказываю повесить взятых в этих сёлах заложников! Пусть празднуют!

[фон Чаммер унд Остен Эккарт Ганс (von Tschammer und Osten, Eckart Hans)

1885 г. рождения, уроженец г. Дрезден (Dresden, Саксония)

генерал-майор (Generalmajor)

командир 202-й охранной бригады (Sicherungs-Brigade 202, 27.04.1942 г. управление бригады преобразовано в 392-ю главную полевую комендатуру (Kommandant der Oberfeldkommandantur OFK392)

Обвинение:

по его приказу в ноябре – декабре 1941 года в городе Новомосковске Днепропетровской области были произведены массовые расстрелы советских граждан.

в марте 1942 года, под предлогом борьбы с партизанским движением, отдал приказ о массовом истреблении жителей Западной Белоруссии, согласно которому городе Лида, местечках Щукино, Воронов, Новоселье, Ивье и многих других населенных пунктах были расстреляны, повешены, сожжены или замучены тысячи мирных советских граждан,

в 1941 году в г. Кременчуг им был организован лагерь военнопленных, который, по общему признанию, заслужил название "лагеря смерти".

17 – 28.01.1946 г. перед военным трибуналом Киевского военного округа, заседавшим в доме офицеров Красной Армии в г. Киев (Украинская ССР) приговорён к смертной казни через повешение (приговор приведён в исполнение на площади Калинина в г. Киеве 29.01.1946 г.)

Минаев Дмитрий Николаевич "Суды над военными преступниками в СССР"]

[буквальный перевод с немецкого:

УКАЗ

Партизаны – твои враги!

Они воруют твой скот и продукты.

Партизаны угрожают твоей жизни!

КТО УКРЫВАЕТ, ПОМОГАЕТ ИЛИ ПОДДЕРЖИВАЕТ

ПАРТИЗАН

ЗНАЕТ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ, НЕ СООБЩАЯ ОБ ЭТОМ,

БУДЕТ НАКАЗАН СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ.

Сёла, жители которых помогают партизанам будут сожжены, жители изгнаны, а староста расстрелян.

Это в твоих интересах сообщить о таких фактах!

Ты защищаешь свою жизнь
и вправе получить вознаграждение
в виде денег или земли.

Долой партизан!

Помоги проложить путь к свободной и счастливой жизни
без репрессий красных комиссаров!

Помоги выявить убежище партизан.

Все обязаны сообщать о местонахождении
и базах партизан в ближайшее
немецкое представительство

Ваши сведения сохраняются в тайне.

Комендатура]

Едва шагнув на крыльцо штаба карательной дивизии, Кла-

ра услышала сзади:

– Шкура продажная! Сука!

Не оборачиваясь, прошла в здание.

"Господи, как же опротивели эти рожи. Постоянно при-
сматриваются, вынюхивают, как я отношусь к тому, к сему.
Сволочи, всё в вас мне отвратительно, чуждо, мерзко. Как
тошно притворяться..." – Клара вздохнула.

Обнаружив у себя в шинели записку с обещанием распра-
виться с ней, как с предательницей Родиной, Клара испуга-
лась за детей. Едва дождавшись вечерних сумерек, посмат-
ривала в окно, когда же под вишней мигнёт огонек самокрут-
ки Петра.

Посоветовавшись с ним, Клара положила лист с угроза-
ми на стол обер-штурмфюреру Лёхлеру. Кравченко рассудил
так:

«Если это дело рук гестапо, скрывать записку опасно, а
если неизвестные патриоты решили напугать переводчицу,
пусть фашисты знают, что она рискует, проявляя предан-
ность оккупационным властям».

Отто Лёхлер поручил своим людям проверить всех, кто
имел доступ в помещение штаба 213-й карательной дивизии
барона и мог незаметно опустить записку в карман фрау Таб-

лер. Поскольку никого так и не нашли, стало ясно, что записку подложили гестаповцы, чтобы проверить покажет её Клара шефу или утаит.

В целом, Клара устраивала его как помощница. Халтуру и разгильдяйство фрау Таблер не терпела. Поэтому к очередной затее с проверкой Лёхлер отнесся без энтузиазма, но и вмешиваться не стал.

Служивший в дорожной жандармерии Иван Кабак из поста в селе Межирич несколько дней следил за недавно зачисленным в отряд парнем, и... решил донести на него. К счастью, кулацкий сын не знал немецкого. Явившись прямо к Лёхлеру, он так и заявил с порога:

– Герр, обер-штурмфюрер, в отряде дорожной жандармерии красный командир.

Клара внутренне застонала: "Сволочь продажная, что делать, как перевести, чтобы Лёхлер ничего не понял?"

Спросила Кабака:

– Его фамилия вам известна? – и, не давая ему произнести её вслух, резко отвернулась и заговорила по-немецки, –

Герр, обер-штурмфюрер, этот шуцманшафт дорожной жандармерии считает, что паёк, который он получает на службе у нас, недостаточен и позорит великую армию рейха. – Клара специально подобрала максимально дерзкий текст с расчётом, что Лёхлер взбесится от такой наглости и выгонит доносчика.

Лицо Лёхлера побагровело, немец яростно сжал кулаки:

– Этот недоносок считает, что мы пришли на эту землю, чтобы накормить его от пуза!? Или чтобы спасти от большевиков его шею? – жест, обведенный вокруг шеи, красноречиво указывал на виселицу.

Кабак попятился.

Клара, напустив на себя ледяное высокомерие, сказала:

– Вы суетесь в такие вопросы, что нарываетесь на виселицу. Обер-штурмфюрер Лёхлер не обязан согласовывать с ВАМИ каких людей назначать в отряд, – и тихо добавила, – тем более, своих доверенных агентов. Быстро уходите, пока вас не приказали вздернуть.

Кланяясь чуть не лбом в пол, жандарм шустро ретировался за дверь с прытью неожиданной для его комплекции.

Глядя на реакцию тупорылого жандарма, Отто даже раз-

веселился:

– Ах, фрау Таблер, да вы грозная женщина, теперь я понимаю какой страх, вы напускаете на этих скотов, когда вместо меня проверяете посты на трассе.

Пётр не одобрил её поступок:

– А если тебя проверяли? Я столько раз говорил тебе об осторожности? Ты пришла сюда. А если за тобой следят?

От обиды и страха выступили злые слёзы.

– Ну, я же проверялась по дороге, а как же этот мальчик из концлагеря? Если бы перевела дословно, его бы расстреляли, а сначала измучили бы пытками, чтобы узнать, кто его снабдил документами. Разве так лучше?

– Ладно-ладно, прости. Я понимаю, в каком напряжении тебе приходится работать. Но твоя безопасность дороже жизни этого пленного. Да, это цинично, но, пойми, тысячи жизней таких молодых лейтенантов и солдат зависят от сведений, которые ты приносишь из комендатуры. Твоя задача – стать непререкаемым авторитетом для отряда жандармов. В идеале, мы постепенно заменим всех этих "кабаков" на наших людей и получим легальный вооруженный отряд

под носом у немцев.

Клара виновато кивнула.

март 1942

Начальник Фельдкомендатуры – Управления дорожной жандармерии Кривого Рога Франц Хайнеман с трудом вылез из "Кюбельвагена" – ноги затекли и замерзли.

[Volkswagen Typ 82 Kubelwagen – автомобиль повышенной проходимости военного назначения]

– Отряд дорожной жандармерии построен во дворе, – доложил писарь.

Отряд выглядел убого.

"Сброд какой-то" – поморщился Хайнеман, глядя на разношерстную публику шуцманшафта.

[Batalion Schutzmannschaft— охранное подразделение германской вспомогательной охранной полиции (нем. Schutzpolizei), сформированное из местных коллаборационистов]

Клара вздохнула, словно увидела их его глазами и осмелилась предложить:

– Герр, Хайнеман, было бы неплохо найти для них какую-нибудь униформу. Возможно форма подразделений Тодта...

Хайнеман демонстративно развернулся – не снизошёл до ответа. Это было даже в форме останется быдлом.

Глава 8

Прибер ищет подходы к лагерю

Степан Силович выделялся из любой толпы волнистой челкой, выщущейся из-под лихо заломленной на бок кубанки. Ворчание Андрея Павловича Караванченко по поводу провокационного дерзкого вида новоиспеченного фольксдойче, Степан просто игнорировал. Ему казалось, что такой вид как раз и не совместим в представлении немцев с образом подпольщика.

– Ну, в самом деле, – сверкал Прибер улыбкой, – кому придет в голову обыскивать "справжняго" фольксдойче Приберга? Всего одна буковка в документе, а как меняет впечатление?

– А твоя привычка – ходить с наганом? А остановят? Обыщут? – внушал Андрей.

– Та-а! Сам ортс-комиссар Венке, знает меня как проверенного фольксдойче! Скажу, что мне подбрасывали записки с угрозами, как фашистскому прихвостню, вот и пытаюсь

себя обезопасить.

Важно другое – в батальоне жандармерии происходит нечто странное.

– А именно?

– Ты понимаешь, проверенные люди сообщают, что ежедневно на дорожные работы набирают на бирже или сгоняют из ближайших сёл. Но! Фактически на работах не хватает до ста человек, а по отчетам, составляемым обер-лейтенанту Лёхлеру, все работают в полном составе.

Не понимаю пока, кто за этим стоит, но то, что в 134-м украинском добровольческом батальоне охранной дорожной жандармерии есть наши люди – это факт! Надо осторожно искать связь.

Только познакомившись с Рябым, а с его помощью и с майором Кравченко, Прибер смог разобраться в этих «странностях».

А пока, важно было подготовить адреса запасных квартир, где готовы принять сбежавших из лагеря пленных, на время, необходимое для изготовления документов для них.

– Спрятать мало, надо подготовить бланки аусвайсов заранее. Облавы и обыски не только на улицах, в домах участились тоже. Сам знаешь – найдут, казнят и беглецов и хозяев дома. Ещё желательно, чтобы в доме не было малышей,

дети не понимают, что можно говорить за пределами дома, могут легко проговориться.

Случай помог Приберу разобраться со «странностями» в батальоне дорожной жандармерии.

Рябой

Лейтенант Рябой был разведчиком, родом из села Буйволовцы Хмельницкой области. Осенью 1941 года, когда активное продвижение немцев замедлилось, штаб партизанского движения принял решение отправить Константина в родные для его жены места для связи с подпольщиками. Уничтожение партизанских отрядов в лесах Новомосковска вынуждало менять тактику сопротивления врагу.

Рябой был капитаном. В кавалерии служил с начала тридцатых.

Устроился на конюшню через приятеля. Константин Васильевич всегда любил лошадей и умел с ними обращаться. Его заботами удалось их подлечить, даже немного откормить на весенней травке. Незаметно стал присматриваться к людям, кто из уцелевших знакомых, чем занят в условиях оккупации.

Постепенно он собрал вокруг себя группу надежных людей:

капитан Вильянов
старший лейтенант Белешов
старший лейтенант Чёрный
лейтенант Сидоров
лейтенант Маслов
младший лейтенант Кузнецов
старшина Ларцев
старшина Бойко

Стараниями тёщи квартальный зарегистрировал Константина по её адресу. Командир разведки именно поэтому решил отправить для связи Константина, у родственников проще легализоваться. До войны Костя не раз гостил у матери жены. Работа конюха в стройконторе была несложной, попутно давала возможность узнавать городские новости от словоохотливых возниц.

В городскую Управу обязаны были являться все, недавно появившиеся в городе, для регулярных проверок, такими мерами гестапо надеялось выявить неблагонадежных. Там случай и свёл его с Прибером, описание которого Рябой получил перед отправкой. Степан проводил в здании конюшен стройконторы очередную инспекцию, на прощание посове-

товал чаще ремонтировать ветхие сапоги и назвал Константину адрес сапожника, чтобы Караванченко его "прощупал". Это была условная фраза для опознавания своего. Пароль Рябой мог назвать только сапожнику.

Андрей Павлович показался Рябому каким-то забитым, чересчур расшаркивающимся перед Байбарой, который как раз явился забрать заказ. Караванченко поддерживал с Байбарой приятельские отношения давно, как с соседом – жили на одной улице, по его протекции и оформил патент сапожника.

Ещё осенью Андрей Павлович попросил Байбару устроить его в сапожную артель при городской Управе. Платить за личный патент тогда было нечем. Покровительственно похлопав приятеля по плечу, пообещал помочь, упирая на то, что "щирий украинэць" всегда поможет "сусиду". Вот и сейчас не преминул покровительственно напомнить, даже не потрудившись расплатиться.

Патент Караванченко всё же выкупил к концу зимы. В артельной мастерской были лишние уши, не то, что дома. Это была практически идеальная явка. Кого удивит, что к сапожнику заходят разные люди, приносят ветхую обувь. Чистильщик обуви, сапожник, торговец в табачном киоске, фотограф – всегда были надёжным и не вызывающим подозрений

способом обмена информацией.

Караванченко был скрытен, больше расспрашивал Рябого, чем говорил сам. Посоветовал держать связь с бывшим конюхом, какое-то время тот работал с Константином, а теперь собирался перейти на службу в полицию по заданию подполья. Прощаясь, Андрей Павлович сказал:

– Жаль, нет у нас никого в жандармерии, свой человек очень пригодился бы.

Константин решил пока промолчать, без разрешения майора даже упоминать о Кларе не стоило.

Вскоре этот конюх сообщил, что на поиски секретаря подпольного обкома Сташкова брошены все силы местных полицеев. Каратели СС собираются провести облавы на рынке, прочесать частный сектор. После арестов в Днепропетровске фашисты пришли к выводу, что связи подпольщиков ведут в Павлоград.

В конюшне Рябого поджидали два полица.

– Это он, – сказал им завхоз, едва Рябой вошёл в полутемную конюшню.

На допросе у начальника полиции Рябой притворился глуповатым простаком. Похвалился благодарностью, полученной от городской Управы за то, что привёл в идеальный порядок конюшни стройконторы, выхаживал и лечил замороженных артиллеристами лошадей и брошенных при отступлении. Но бумага с благодарностью не помогла. Так и не предъявив Рябому конкретных обвинений, его просто отравили в лагерь на Литейном.

Именно конюх, который по заданию подполья перешёл на службу в полицию для сбора информации и сообщил об аресте Константина. Оставшись разводящим караула в тюрьме, неожиданно заметил во дворе тюрьмы Рябого, коловшего дрова в хозяйственной повинности. Была такая повинность у работников хозяйственных служб Управы. Охрана тюрьмы не утруждала себя подобными заботами. Иногда требовали прислать рабочих с хоздвора, а чаще просто использовали случайно попавших в облаву жителей. После допросов и проверки, захваченные, либо попадали в городскую тюрьму гестапо, либо в концлагерь, либо на отправку в Германию. Несмотря на то, что постоянные перемещения людей снижали точность учёта, нацисты воспринимали славян, как скотину.

Полицай и сообщил связному, что Константин схвачен. Не выявив за Рябым никаких грехов против рейха, его от-

правили в концлагерь, в числе многих, регулярно ремонтировать дороги. Костя молча сокрушался: "Так глупо попасться! Разведчик! Надо выбираться, а как?"

И тут ночной вой сирен, построение.

Колонну гонят от наступающей воды.

Вдали, сквозь сумерки и дождь темнела опушка ближайшего лесочка, ещё совершенно голого. Впереди слышались крики, все встали, автоматчик, шедший сбоку, отвлекся и Константин молниеносно нырнул за куст в кювет, заполненный ледяной водой.

Остановившаяся колонна снова двинулась. Овчарки хрипели, но вода отсекала запахи, очень медленно, ползком удалось выбраться к низким сосенкам. "Славно, что сосняк, – подумал Костя, – в голом лиственном было бы не укрыться".

март 1942

Наводнение

Свой норов река Волчья демонстрировала примерно каждые 20-30 лет. Некогда судоходная, река со временем превратилась в тихую, сонную речушку. Первое серьёзное на-

воднение было зафиксировано в 1877 году.

Окруженный реками Самарой, Волчьей и Гнездкой, Павлоград был богат заливными участками степи и лугами, ежегодно затопляемые пастбища давали отличную возможность выращивать лошадей. Эти степи так и называли в старые времена – Консководские.

Наводнение в марте 1909 года было вызвано огромными заторами льда. Затопило Приточилровку, Харьковскую и Полтавскую. Командование 135-го Керчь-Еникальского полка организовало помощь: прапорщики с солдатами вывозили людей на лодках к самому высокому месту города – на Соборную площадь, к Свято-Вознесенскому собору (взорван в 1936 году) и к церкви Спаса Нерукотворного (построенной на средства Якова Федоровича Голубицкого). Церковный звон гудел над городом.

Полковые пекари выпекали для пострадавших хлеб. Жертв удалось избежать.

Многих разместили в помещении театра и Свято-Покровского гарнизонного храма (в середине XIX века он был построен гусарами Павлоградского полка в благодарность Богу за то, что сохранил их в боях, сейчас частично реставрирован).

Весна 1942 года была полна тревожными событиями. Наша армия пыталась отбить Харьков – удалось отогнать немцев и продвинуться к Лозовой. Павлоград волновался. Смесь из надежды для одних и панического страха для других будоражила жителей.

Поток техники вермахта увеличился, прибавилось раненых в немецком госпитале. Накануне взорванный мост вода накрывала всё выше. Шеф полиции встревожился: несколько часов назад опоры между рухнувшим пролетом выступали из воды метров на десять, а теперь явно меньше. Не хватало только наводнения в этих условиях. В такой непростой обстановке забот у Клары прибавилось, судьба словно испытывала её на прочность после назначения на пост заместителя шефа отряда дорожной жандармерии.

Весна обострила угрозу эпидемии тифа и туберкулеза. Исхудавшие истощенные жители и пленные с трудом сопротивлялись инфекции.

Ночью зазвонил колокол церкви Голубицкого – набат о наводнении. Вода бесшумно и подло проникала в спящие тревожным сном дома, отрезала улицы. Люди в спешке хватали самое необходимое, многие помнили подтопление 1940 года

и готовились к худшему, забирались на чердаки. Многие, наученные горьким опытом прошлых затоплений, заранее перетаскивали всё из подвалов на чердаки. Кто успел, уходили в сторону центра, к Соборной площади.

Завыли сирены тревоги в концлагерях, надзиратели приступили к спешной погрузке имущества, строили заключенных в шеренги по пять человек. Пленные медленно брели окруженные автоматчиками. Комендант DULAG 111 Вебер смутно представлял рельеф местности, приказал надзирателям из местных указать на карте места, куда вода не дошла во время прошлых разливов непокорной Волчьей. Встал вопрос: куда гнать колонну – на станцию или в лагерь на Полтавской? Орал в телефон:

– Срочно прислать вспомогательные группы из полицаев. Всё в этой проклятой стране сопротивляется новому порядку, даже вода!

Темноту вспороли автоматные очереди – несколько пленных пытались сбежать в суматохе.

март 1942

Майор

Меланья радовалась: Пётр вышел из ступора и отчаяния, вспомнил былые навыки, сапожничают понемногу.

То ли весна, то ли наступление наших сначала под Москвой и Рязанью, а теперь возле Харькова, возвращали брату оптимизм. Даже усы отпустил, как у селянина. Всё было хорошо – живой и рядом с ней, но кое-какие догадки о людях, тихонько наведывающихся по ночам к брату, тревожили Милю. Его тайные (как ему казалось) встречи с Кларой под вишней, Миля тоже замечала. Женщине хватало ума держать при себе сомнения и не докучать брату. Мысли о том, что теперь её жизнь зависит от его осторожности, Меланья загоняла на самое дно души и тихонько помолившись, гордилась, что родной человек не сломался, не опустил руки. "Хорошо, что я соседям ничего не говорила о его службе в Москве", – в который раз похвалила она себя.

Однажды к Меланье зашёл Володя Индюков, их семья была в родстве с Александрой Давыдовой. Володя помнил Петра Онуфриевича ещё с тех времен, когда был школьником, а Пётр приезжал навестить сестру перед отправкой в Испанию. Володя вытянулся, но в повадках ещё проскальзывала подростковая угловатость. Володя увидел Петра за са-

пожной работой и не смог скрыть на лице разочарования. Миля заметила это.

– С чем пожаловал Вовчик? – немного резковато спросила она, вдруг стало обидно за брата.

– Да..., – замялся Володя, – мы с Колькой идём на менку в село, мама спрашивает, может вам чего сменять на кукурузную муку?

– Цэ Коля Бешта? Правильно, удвох сподручнее, облав стережыться. А маме спасибо, я як раз до нэи хотила зайти. – Миля накинула большой тёплый платок и отправилась к Аксюте и её брату Павлу Индюковым с небольшой корзинкой. Мать Аксюты и Павла была родной сестрой Александры Давыдовны Новиковой.

Володя помялся, видно было: хочет спросить, но не решается. Пётр решил ему помочь:

– Удивляешься, почему я здесь сижу и забиваю гвозди в подмётки?

– Ну да, мы с мальчишками думали, что вы воюете, как и сын Давыдовны!

Пётр отчетливо расслышал упрёк.

– Отвоевался я, – вздохнул майор, – списали по ранению, – вот решил вернуться к мирному ремеслу, – ему интересна была реакция парнишки, хотелось присмотреться, понять: как настроен, может со временем получится привлечь с небольшими поручениями, если удастся найти связь с подпольем. Взгляд у пацана открытый, честный, жаль только не умеет скрывать эмоции – всё на лице написано.

Лишь со временем он решится открыться Володе Индюкову и привлечь его с другом Николаем Бештой как связных. Петру пришлось обучать их приёмам конспирации, приёмам выявления слежки и ухода от соглядатаев. Кроме них двоих о майоре никто из привлеченных ними ребят не знал. Эту систему диверсионно-разведывательной работы Пётр применил, как учили: каждый из комсомольцев знал только о двоих связных, о составе всей группы молодых подпольщиков не знал никто из них. В случае провала невозможно выдать тех, о ком ничего не знаешь. Даже потеря одного – звена тройки позволяла сохранить остальных.

Молодость не склонна к осторожности, а вот к риску – вполне. Иногда доходило до полного безрассудства. Чего стоила знаменитая история с воротами на рынке.

Пётр усмехнулся, вспоминая в каком возбуждении вернулась Миля с рынка в тот день – утро седьмого ноября. Майор тогда уговаривал сестру повременить – в день советского праздника фашисты наверняка усилят патрули, могут устроить облаву.

"Да-а...", – он покачал головой вспоминая.

Миля рассказывала, стоя посреди комнаты, размахивала руками, так и не раздевшись:

– Пидхожу до базара, а там людэй повно и ворота зачинэни. Хтось каже: "Шо такэ?" А з усих бокив: "Дывись на арку!" И я дывлюсь, а та-ам! На всю арку:

**"СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ!"**

– Отак! – Миля пристукнула ладонью по столу.

Пётр представил старинную металлическую арку с потемневшими буквами "БАЗАР", ажурное крепление. Краска давно сошла, и надпись почти сливалась с фоном арки. Возможно, она висела над воротами ещё с прошлого века.

Полиции так и не смогли стереть масляную краску. Белый от ненависти Экке распорядился сорвать металлическую ар-

ку с кирпичных столбов. Старые мастера делали на совесть. Больше часа провозились Hilfswillige – "добровольные помощники рейха", пока справились с металлом. Люди разошлись, опасно было мозолить глаза полицаям, да и хотелось поделиться с домашними и соседями. Самые отчаянные наблюдали от аптеки и керосинной лавки. Взгляды прикипели к словам, греющим душу ощущением светлой довоенной жизни, вызывая в памяти радостную приподнятую атмосферу ноябрьской демонстрации с песнями под гармошку и походной фляжечкой в кармане. Отсюда, из мрачных будней оккупации, та жизнь казалась какой-то киношно идеальной, радостной, словно кадры из фильма "Цирк".

О том, что это сделал Володя Алексеев вместе с Галей, Пётр Онуфриевич узнал гораздо позже.

Глава 9

Подпольщики и Клара

Рябой долго не понимал симпатии, с которой Пётр Онуфриевич говорил о Кларе. Однако высказываться на эту тему не решался: "Мало ли какие у них соседские отношения. Может она его сестре в чём-то помогла. Ему, как человеку военному, виднее.

Однако, постепенно, анализируя сведения, которые поступали подпольщикам явно не без её участия, стал проникаться некоторым доверием и сочувствием к этой женщине, матери троих детей. О просьбе Петра подыскать ей помощницу решил так: "Помочь необходимо, ведь уходит в жандармерию на целый день и там, как под микроскопом в окружении тварей. А у самой душа не на месте – так и до срыва недалеко. А теперь, после назначения заместителем Лёхлера и вообще: где силы взять?"

Андрей Павлович Караванченко после встречи с майором, организованной Рябым, понимал и другое: если бы не Пётр, подпольщики бы убили Клару. Слишком много ненависти вызывало её появление в фашистской форме, с при-

ческой под сдвинутой набок пилоткой с орлом. Да и теперь, слишком велика опасность, что кто-то из непосвященных самовольно вздумает мстить. Всем ведь не расскажешь, откуда сведения – конспирация. А горячих голов полно, особенно среди комсомольцев.

Пётр Кравченко после беседы с Андреем задумался о том, что в подполье, кроме военных, отбившихся от своих подразделений, кто из-за окружения, а кто по ранению, были люди сугубо гражданские, оставленные специально для подрывной деятельности в тылу захватчиков – результат случайного выбора, по принципу: кто оказался под рукой – того и назначили. Это мало обнадёживало майора, понимавшего, что в решительности гражданские не уступали офицерам, прошедшим подготовку, но в опыте – значительно.

Петру, как и многим, уже несколько примелькались громкие лозунги во время первых пятилеток и политических собраний в армии. Психика перестала воспринимать пафос речей, может, сказался опыт потерь, пережитый на войне, может возраст – в 39 лет юношеская восторженность сменяется зрелой рассудительностью. И вот теперь, размышляя о поступках соратников, слушая Андрея и Константина, поневоле скатывался на возвышенные категории.

Может так и бывает? В мирное время правильные слова

превращаются в трескотню лозунгов, а в реальной опасности становятся опорой для поступков. Война, угроза жизни – отличный проявитель сути человека, как лучи рентгена. Дремель в человеке до поры до времени подлость, пока всё мирно и благополучно не проявляется, а когда судьба ставит перед выбором спасти себя или бороться – тут и проявляется: чем душа наполнена. Смена эпох ничего не меняет в этом выборе.

В условиях мирной семейной жизни Клара растила бы детей, вела дом и не подозревала о своей способности к героизму. Чем больше майор узнавал её, тем больше изумлялся: "Может в ней всегда была авантюрная жилка? Наверное из таких натур получались Гризодубовы и Расковы. А Василиса Кожина и Марфа Посадница 130 лет назад? Как бы то ни было. Клара для подполья просто находка. Как же вовремя занесло её в Павлоград".

Майора, помимо Караванченко, в целях конспирации знали всего несколько человек: лихой Степан Прибер, спокойный и рассудительный Константин Рябой, пару связных. Остальные считали его простым сапожником, как и Караванченко. Именно с ними Пётр поделился информацией о роли Клары Таблер в их организации, строго запретив даже упоминать о ней. Долго сомневался, но понял: иначе не уберечь её от своих же "мстителей". Да и пришлось объяснить им, от-

куда у него чужие паспорта с отметкой о регистрации в местной Управе и чистые бланки пропусков из ортс-комендатуры Павлограда. Понятно же, что сам он не имел туда доступа.

Ещё у майора было важное основание: если с ним что случится, нельзя, чтобы оборвалась связь Клары с подпольем. Нельзя такой ценный источник замкнуть на себе.

Кларе нравилось с ним говорить, только с ним она была собой, могла не притворяться. Жаль, не было возможности, как раньше, часто видеться по-соседски после переезда в особняк. Ей нравилась его способность всё детально разложить по пунктам и чётко сформулировать задачу, настроить её психологически. Он обучил её практическим приёмам, как преодолеть ступор и панику. Он много пережил и знал, как найти опору, когда привычный мир рушится.

Клара чувствовала его благодарность, тревогу за неё, мелькавшую во взгляде, в интонациях. Это отогревало сердце, скукоженное страхом, позволяло ему расправиться, не стучать лихорадочно, до звона в ушах, когда тайком просматривала циркуляры гаулейтера из секретных папок или прятала бланки под одеждой. "Как ему удалось превратить меня в героиню шпионского романа? В диверсионные школы не берут многодетных матерей – слишком уязвимы матери, если дети под угрозой. Что я творю? Как я дошла до

жизни такой? Сказал бы мне кто-нибудь полгода назад, что я буду работать у фашистов, я бы ужаснулась".

Не каждому выпадает судьба испытать себя на прочность – живёт человек тихой, мирной жизнью и не представляет, какие резервы таятся под бытовой шелухой.

Взрыв железнодорожного моста

Подпольщики готовились не просто взорвать мост.

Врыв моста у станции Зайцево, на ветке соединяющей Павлоград и Синельниково готовили давно. Ждали, когда подтянется крупная партии немецкой техники.

Вместо автомобильного фашисты быстро наведут понтонную переправу. А вот рвануть железнодорожный, да так, чтобы вместе с мостом взлетела техника, это было бы максимально эффективно.

Главная проблема была в том, как обеспечить безопасный отход к станции Домаха. Идти через голую степь в сторону Павлограда было безрассудно. Вместе с майором Кравченко придумали такую схему минирования: заложить заряды не только в опоры железнодорожного моста, но и на шоссе, ве-

дущие из Синельниково и Павлограда. Именно по этим дорогам ринутся каратели и жандармерия на поиски диверсантов, там их и встретит заготовленный подарочек. Кроме тех "жандармов", которые были зачислены в отряд фрау Таблер из бывших узников.

Задача Володи Индюкова и Николая Бешты – скрытно вернуться от моста по балке до просёлка. Жандармы-подпольщики в "случайно" сломавшейся и отставшей по пути подводе будут ждать подрывников с удостоверениями и повязками дорожной жандармерии на просёлке, идущем мимо балки. Пока будут разбираться с подорвавшейся на дороге поисковой группой, вывозить убитых и раненых карателей и жандармов, ребята спокойно вернутся в город под видом сотрудников дорожной жандармерии.

Заодно такие внезапные потери в личном составе жандармерии позволят Кларе заменить убитых предателей и пособников фашистов на "правильных" жандармов.

Так и сделали.

Пётр Онуфриевич накануне провёл с Володей и Николаем несколько тренировок в пригородной посадке. Под видом менял сапожного сырья они прошли весь путь отхода через балку, сверили время отхода. В вечерних сумерках Индюков и Бешта со справками заготовителей кожи двинулись в сто-

рону Зайцево.

Охрана моста велела раскрыть заплечные мешки. Не найдя ничего, кроме вонючих, гнилых ошметков старых шкур, конвой охранения пропустил парней на другую сторону.

Мины были спрятаны в посадке неподалёку от моста. Воспользовавшись темнотой и грохотом проходящих составов, Коля с Володей сноровисто закрепили заряды в опорах. Вражеский эшелон с боеприпасами должен был проследовать через станцию в три ночи с четвертью. К этому времени всё было готово. Рвануло так, что стало светло, как днём. "Получите гады!" – радостно переглянулись неразлучные друзья и шустро устремились к балке.

Молодые подпольщики успешно отправили под откос платформы с орудиями и самоходками. Разгрести такой завал пришлось несколько дней. Такие перебои в поставках немцев давали необходимую передышку нашим.

На станции Домаха и в Синельниково машинисты из отряда Константина Рябого вывели из рабочего состояния несколько паровозов, устроили столкновение вражеских эшелонов, в нужный момент, переключив стрелку. Каждый уничтоженный фашист, каждый не доехавший до фронта танк – всё шло в помощь фронту. Разгневанный началь-

ник фельд-комендатуры Кривого Рога Хайнеман приехал в Управление дорожной жандармерии Павлограда, входившего в зону его ответственности.

Из Управления обер-фельдкомендатуры ему "вставил фитиль" командующий тыловым районом группы армий из VII административного отдела группы Первой танковой армии фон Клейста, лишившейся ценного груза для пополнения.

Весна 1942

Вечера, уже тёплые, Пётр использовал, чтобы подготовить Клару к новым испытаниям. Они садились под старой вишней, росшей на меже двух огородов, когда дети уже спали и тихо беседовали.

– Я не смогу предусмотреть все испытания и проверки, которым тебя могут подвергнуть. Тебе важно учесть основы идеологии фашистов. Нацистская пропаганда уже много лет формирует у немцев культ женщины-матери. Немецкая женщина – прежде всего МАТЬ. Учти это. Тебе легко будет соответствовать этому образу – у тебя дети.

– И как мне это поможет?

– Ну вот, смотри. Твой образ матери – твоя защитная оболочка – твоя опора и основа всех поступков, которые твои хозяева попытаются просчитать. Чтобы быстро принять решение в неожиданной ситуации, ты не должна выходить из этого образа и действовать в рамках поступков женщины-матери.

Тебя будут провоцировать неожиданными, порой неадекватными выходками Лёхлер и его окружение.

– А я?

– А ты представь, что они твои "дети". Как поступит мать?

– Как?! Ничего себе "ДЕТИ"!

Пётр вздохнул и терпеливо повторил:

– Только так ты сохранишь невозмутимость и спокойно найдешь взвешенное решение в каждой неожиданной ситуации. Это твой щит, твой "ПАНЦИРЬ".

Ещё раз.

Как поступит мать, если дети ведут себя безобразно? Рвут одежду, я не знаю... ломают игрушки?

– Зашивает, наводит порядок... наказывает, наконец.

– Последнее опускаем. То есть – терпеливо устраняет последствия шалостей – акцент на этом.

Чем бы тебя ни пытались "удивить" твои начальники, воспринимай это, как "детские шалости неразумных". Это надеюсь, поможет тебе не потерять голову и не надеть глупостей. Считай, что это психологический приём: Что бы ни происходило, повторяй про себя: "Я – НЕМЕЦКАЯ МАТЬ"

– Откуда тебе всё это известно? Приёмы, психология ...

– Меня готовили к работе во Франции, Италии, Финляндии. Серьёзно готовили.

Лёжа в кровати, Клара слушала, как посапывают во сне дети и думала: "Как много умеет этот человек..."

Утром Клара старалась уйти из дома пораньше, пока не видно соседей во дворах. Идти под их взглядами она так и не привыкла. На форму надевала полотняное пальто-пыльник, пилотку прятала в сумочку.

Лёхлер появился неожиданно рано, подождал Клару на крыльце:

– Вы что? Стыдитесь носить форму? – прищурился

неодобрительно.

– Нет, что вы, герр, обер-штурмфюрер, наоборот – берегу. На окраине улицы без дорожного покрытия, очень пыльно.

– Вам нужно переехать в центр. Представители немецкой расы не должны жить на окраине.

– Спасибо, герр Лёхлер, но там моя Schwiegormutter (свекровь), она присматривает за детьми.

– Как хотите, – буркнул шеф, упоминание о пыли вызвало у астматика Лёхлера гримасу отвращения.

– Русские свиньи совершенно не умеют строить дороги. К вечеру все профилировки под колесами техники превращаются в форменное безобразие, нужно больше щебня и больше рабочих.

– Вы совершенно правы! И больше жандармов, – позволила себе добавить переводчица.

Лёхлер недовольно покосился, но возражать не стал, вздохнул:

– Среди такого быдла сложно найти приличных жандармов, здесь не Европа.

"Да уж", – подумала Клара, в батальоне жандармерии были в основном дезертиры и уголовники. – Вот только как их заменить?"

Недавно майор сказал ей:

– Немцы пока ещё ведут себя беспечно: не маскируют на бортах грузовиков и бронетранспортеров эмблемы всякие и номера. Что, скажем, означает белый круг, перечеркнутый желтым крестом? Или скрещенные шпаги? Или бурый медведь, или слон? Для людей, знающих наименования воинских частей и подразделений, это, сведения о передвижениях вражеских войск, и сведения очень важные, я бы сказал, стратегического порядка. Понимаешь?

Клара постоянно сопровождала Отто в инспекционных поездках по дорогам.

Старательно запоминала все увиденные обозначения и номера, двигавшейся немецкой техники.

В целом, это была рутина – унылые оправдания согнанных из окрестных сел немногих уцелевших мужиков и набранных на бирже горемык. Самую тяжелую работу делали

небольшие группы пленных. Основная часть пленных располагалась в лагере на Полтавской и в сортировочном лагере на литейном заводе – DULAG 111, где условия были гораздо ужаснее. Большая часть зданий Литейного была разрушена. В этих обгоревших развалинах и ютились изможденные грязные люди в оборванной одежде, у многих со следами крови.

Клара встретила начальник фельд-комендатуры Кривого Рога Хайнемана спокойно. Приём "Я – немецкая мать" реально работал, причём настолько, что к концу гневной речи Хайнеман невольно снизил градус, натываясь на "материнский – всё понимающий" взгляд Клары. Этот мягкий взгляд, казалось, говорил: "Ты успокоился... сынок?"

Это было непостижимо. Теперь стало более-менее понятно, как, в случае отъезда Лёхлера, эта женщина сможет держать в подчинении жандармерию. Франц Хайнеман притих и решил послушать, что же она ответит.

– Герр Хайнеман, я не однократно докладывала, что силами своих бойцов фельджандармерия не в состоянии обеспечить приемлемый уровень охраны, – в интонации Клары ясно звучало: "а теперь послушайте меня". – Увы, но господин

Байбара не столь разборчив, как этого требует формирование качественных кадров – присылает всякий сброд: уголовники, куркули и пьяницы. Как минимум, треть из них подлежит замене!

– У вас есть из чего заменить? Насколько я знаю, вербовка желающих служить в шуцманшафт-батальонах оставляет желать лучшего.

– Не удивительно, – вздохнула фрау Таблер, – у нас нет униформы и приличного оружия, как у немецких полевых жандармов, даже один кубель-ваген на весь город – это роскошь.

– Униформу, как и доверие командования, нужно заслужить! – жестко заявил фашист, – Ваши пьяницы только опозорят её.

– Согласна! Поэтому, позвольте мне самой набрать в отряд подходящих людей, – Клара улыбнулась, – на своё усмотрение.

– Хм, – слегка растерялся Хайнеман, улыбка у Клары была удивительная. "Наверное, сказывается отсутствие женщин", – подумал он про себя, а вслух произнес: – Вам сложно отказать, фрау Таблер.

Стоило ему уехать, город потрясла новость: ещё один железнодорожный мост, теперь уже через Волчью, взлетел на воздух. Незадолго до этого отряд дорожной жандармерии укрепил и обновил железный каркас, заодно сделав "закладки". И вот теперь вся конструкция превратилась в развалину – шпалы разметало вокруг закрученных рельс.

Фашисты принялись срочно налаживать понтонное сообщение. Немецкие специалисты должны были обеспечить беспрепятственное движение вермахта на Восточный фронт. Бои под Тулой в декабре лишили фашистов значительной части техники. Тогда приятель Хайнемана из 2-ой танковой армии Гудериана в письмах недоумевал, как вообще можно воевать в тридцатиградусный мороз, когда топливо превращается в густой кисель.

За сведения о партизанах, взорвавших мост, гестапо объявило награду в тысячу марок. Шеф гестапо фон Экке лютывал: были взяты заложники из прилегающих к реке кварталов. По городу было объявлено, что, в случае новой диверсии, заложники будут расстреляны. В ответ ночью какие-то отчаянные головы прикрепили листовку с требованием всех отпустить прямо на дверь здания гестапо Павлограда.

Санпропускник

С приходом весны и животные и люди становятся активнее, к сожалению, во время войны эта закономерность продолжает действовать. Явная активизация противодействия сил на фронте привела в движение массы людей. Павлоград наводнили немецкие итальянские и румынские части. Солдаты тащили с собой не только трофеи, но и вшей. А с ними в город пришёл настоящий тиф.

Городская управа получила приказ от штадт-комиссара Днепропетровска Клостермана срочный приказ: обеспечить непрерывную круглосуточную санобработку прибывающих солдат фюрера.

Байбара взялся за дело с присущей ему активностью: санпропускник начали возводить в три этажа: отдельные душевые для офицеров и камеры прожарки для одежды. С биржи нагнали рабочих, каменщиков, штукатуров – трудились без передышки. Тиф – угроза жизни для всего города.

Клара и не знала, что вши – переносчики сыпного тифа. Отец не любил говорить о первой мировой войне, которая занесла его в поселок Фридрихсфельд на Украине.

На строительство санпропускника Гебитскомиссар Циммерман даже выделил подразделение Тодта, для контроля над рабочими. На самую тяжелую работу по рытью траншей для канализации и укладки водопровода пригнали пленных. Горожане прозвали сооружение "вошебойка".

Беседуя с возницами стройконторы, люди Константина Рябого, продолжавшие трудиться в конюшнях, по крупицам собирали информацию.

Новость о том, что на открытие санпропускника собирается прибыть немецкое начальство, вызвала у подпольщиков большой соблазн "поддать парку" фрицам.

Пётр Онуфриевич в подрывном деле разбирался тоже. В московской академии учили на совесть и всесторонне. Его предложение взорвать "вошебойку" нашло горячий отклик в душах соратников. Конечно, это малоэффективно с точки зрения пользы фронту, но ведь поднять настроение нашим людям, прищучив "высшую расу" – тоже немало. Пожилой плотник из подпольщиков был уверен, что его возьмут в бригаду – брали всех желающих. Как же, стройка века, сроки назначены рекордные. Пронести мину оказалось несложно. Среди полицаев в тот день нёс охрану наш человек. Даже помог – постоял на стрёме возле электро-щитовой, куда и посоветовал заложить "подарочек" Пётр Онуфриевич. А При-

бер принял акт о работе с прокладкой проводки за пару дней до этого.

Накануне открытия Циммерман в сопровождении ортс-коменданта Кренцеля и Байбары решил лично убедиться, что всё готово, а то ведь понятно, что "Эти славянские сви-ньи понятия не имеют о настоящем комфорте и цивилизации". На первом этаже осмотрели привезённые из Германии дезкамеры.

Взрыв подпольщики решили устроить, когда все соберутся, что называется – взгреть всю эту шушеру на славу. Разобраться в обесточенном здании, заполненном паром и дымом, где выход удалось не всем. Немцы горели, как вши. Многие выскакивали из окон.

К сожалению Циммермана спас Байбара, он быстро сориентировался и нашёл лестницу на первый этаж. Полицаи окружили горящее здание, но рисковать жизнью и спасать «сверхчеловеков» никто из унтерменшей не спешил.

После пожара город притих в ожидании расправы. За каждого погибшего немца расстреливали заложников. Байбара даже восхитился предусмотрительностью нацистов – списки заложников составлялись заранее, как раз для таких случаев. Все, кто хоть как то проявил себя в мирной довоенной жиз-

ни, попали в эти списки: ударники труда, активисты профсоюзов.

Приговоренных вывели на площадь, Экке заявил:

– Каждая диверсия должна быть оплачена жизнями комсомольцев, коммунистов, их жен и детей.

Глава 10

Театр

Театр в Павлограде существовал ещё с конца девятнадцатого века и назывался любительский "Графский театр", его построили в 1896 году потомки из рода Голенищевых-Кутузовых, чьё поместье располагалось на территории нынешнего Первомайского парка.

Фашисты позволили в самодеятельном театре "Українець" ставить украинские пьесы.

Весь театр готовился отпраздновать в апреле день рождения великого фюрера.

Министерство пропаганды рейха, возглавляемое Геббельсом, не зря делало ставку на украинских националистов, рассчитывая сделать из них опору нового порядка на территории Украины. Опыт по удачному расколу славян был позаимствован ещё у идеологов Австро-Венгрии. Цвета флага украинских националистов – точная копия жёлто-голубых лент, жалованных австрийцами особо проявившим свою преданность славянам из подконтрольных Австрии бывших славянских территорий – регион Львова и Прикарпатья. Го-

лубой и жёлтый – геральдические цвета Австрийского императорского дома.

В местной газетенке "Павлоградська газета" было заявлено: "Немецкая непобедимая армия пришла освободить украинский народ от большевизма и большевистских форм хозяйствования".

Руководил труппой театра подпольщик Иван Кузьмич Дахно. Программу концерта подбирали тщательно.

Не случайно гестапо запретило песню "Гей, заграло Чорнэ морэ". Текст народной песни ещё времён первой мировой войны озвучивал историю, повторявшуюся с печальной регулярностью:

Гей, заграло Чорнэ морэ
Бьются хвыли в бэрэгы:
Захопылы Украину
Чорни крукы-ворогы.

Хто ж захыстыть Украину
Од розбийныкив-крукив -
Интэрвэнтив, самозванцив?
Од тых хыжых ворогив?...

[Эй, заиграло Чёрное море

Бьются волны в берега
Захватили Украину
Черные вороны-враги.

Кто ж защитит Украину
От разбойников-воронов-
Интервентов, самозванцев?
От тех хищников врагов?...]

Чёрная эсэсовская форма вызывала буквальные ассоциации.

Всё повторяется в истории снова и снова.

Вместе с актером театра Константином Васильевичем Беляевым худрук Дахно устроил под сценой тайник, куда перевозили оружие отремонтированное часовщиком.

По рядам рынка летели листовки.

Рынок тихо бурлил. Люди вполголоса обменивались страшной новостью. Даже торговки, не имеющие привычки разговаривать тихо, испуганно шушукались, сбившись за прилавками. Полицаев действительно прибавилось. Злые, многие с похмелья – поневоле запьешь после такого – вразвалку прохаживались между рядами, нагло прихватывая у

торговок то огурец, то яблоко. Искали листовки. Один из них выдрал яйцо между растопыренных пальцев селянки, пытавшейся прикрыть свой товар, и, тюкнув прямо о приклад, жадно выпил. Сплюнув, прилипшую к губе скорлупу, пригрозил:

– Вякни ещё у меня.

Тетка испуганно молчала.

Базар всегда был местом, где можно узнать все новости. Чаще всего люди приходили сюда из-за нужды, в надежде поживиться хотя бы информацией. Всегда по лицам, по повадкам наблюдательный человек мог предположить, кто и зачем пришёл.

В дни, когда фашисты устраивали "акции устрашения", горожане старались поскорее найти то, что нужно и уйти. Рядом с рынком на площади установили виселицы.

В листовках писали о зверских расстрелах пленных в лагере и в еврейском гетто Днепропетровска. Но самое неприятное для гестапо было в том, что листовки изготовили типографским способом. Все поиски печатных машинок зашли в тупик. Если бы Экке только знал, что часть этих "большевистских агиток" попала в город с помощью новой помощницы Лёхлера.

Большая часть листовок печаталась в пригородной типографии и распределялась среди проверенных сельчан. В частном доме всегда проще устроить тайники. Для доставки их в город и были придуманы Кларой поездки "за деликатесами".

Часовщик

Старый часовщик Иван Яковлевич Осьмиченко пережил много на своём веку. Очередную смену власти воспринимал философски: что бы ни происходило, а часами люди будут пользоваться всегда. На углу Дворянской и Харьковской улицы появилась вывеска "Uhrmacher" ("Часовщик" – нем.). Здесь, недалеко от резиденции Гебитскомиссара никому и в голову не придёт искать тайную мастерскую подпольщиков для ремонта радиоприёмников и оружия в тайнике подвала. Этот подвал не раз спасал хозяев.

Чтобы усыпить бдительность соседей, мужчины с самого утра старались быть на виду: кололи дрова, таскали воду для Анны Владимировны, помогали матери по хозяйству, а в ровно указанное на вывеске время, открывали пристройку

с мастерской. Немецкая вывеска – немецкая точность.

Братья Александр и Юрий Осьмиченко многому научились у отца, правда, старший Юрий самую сложную работу оставлял себе. В сумерках и на рассвете братья обыскивали в пригородах окопы и траншеи, где шли бои при отступлении наших и тайком приносили оружие в подвал. Из трёх-четырёх искорёженных можно было собрать один автомат, иногда попадались боезапасы патронов.

Собранные в подвале радиоприёмники настраивали на частоту вещания Совинформбюро, увозили и прятали на чердаках проверенных людей. Тексты сводок передавали в типографию, где отряд Шимановского наладил печать листовок.

Чтобы удобнее было грузить подготовленное, Иван Яковлевич устроил в сарае столярную мастерскую по ремонту мебели. Из подвала дома в сарай вёл ход, замаскированный дровницей. В отремонтированную тумбочку или комод прятали запрещённый груз, а потом спокойно грузили мебель на подводу прибывшего "заказчика". Доставка радиоприёмников и оружия "адресатам" часто возлагалась на бойцов отряда Клары, ожидавших в переулках неподалёку. Кому взбрёт в голову проверять отряд жандармов? Себе дороже.

Гестапо и полиция лихорадочно обыскивали город, но выявить эту цепочку не могли.

Вычислить заранее в какой части города появится очередной вброс листовок, не могли ни агенты, ни полиция. Дело было в том, что внедрённые в полицию и жандармерию люди заранее предупреждали о планируемых засадах.

Театр "Українець" был выбран в качестве базы для отремонтированного оружия и радиоприёмников не случайно. Здание, построенное ещё в 1896 году, располагало обширными подвалами. Именно там подпольщики оборудовали тайники. В любом театре под сценой есть технические помещения, размеры которых сложно соотнести с размерами сцены, перетянутой рядами кулис. Двойные стены позволяли отлично маскировать реальные размеры подвальных помещений.

Кроме того, тайник в общественном здании невозможно привязать к конкретному человеку, в отличие от тайника в частном доме. Любой сотрудник театра может сослаться на доступ к подвалу рабочих или грузчиков, в случае малейшего подозрения.

Дахно Павел Кузьмич привлёк в подпольную группу Театр молодого артиста – Беляева Константина Васильевича.

Под видом реквизита для спектаклей привозили старую мебель, в которой очень удобно было прятать предназначенное в тайники.

Иногда один и тот же комод под предлогом того, что для сценического замысла его нужно перекрасить курсировал между театром и подпольной мастерской несколько раз.

Не все артисты заслуживали доверия. Чтобы создать впечатление неприязни к артисту, Дахно жёстко распекал его на репетициях. Иногда Костя специально опаздывал, давая режиссёру театра повод для гнева. Большая часть труппы сомневалась, что при таком отношении Беляев долго продержится в театре.

Раечка – актриса амплуа субретки, даже попыталась образумить парня:

– Ах, Костя, ну зачем же вы опаздываете? Мне будет так жаль, если вас уволят. А без работы недолго угодить в Германию.

Костя отшучивался, копируя манеру актрисы:

– Ах, Раечка, а что мы будем делать, если сражённые вашей непревзойденной игрой, господа офицеры увезут вас в Берлин? Вы же там оставите без работы примадонн сцены. С вашим-то талантом!

Из озорства Костя добавил:

– Раечка! Вы свели с ума не только офицеров. В белокуром парике и кружевном фартуке вы в самое сердце ранили даже сурового проверяющего электросетей – герра Приберга! Как вы думаете, почему он зачастил с проверками проводки?

Сказано это было достаточно громко, чтобы большая часть труппы услышала и не удивлялась частым визитам связного Степана.

Раечка от удовольствия залилась румянцем и стукнула Костю веером по плечу, изображая неудовольствие от такой беспардонной лести.

Во взгляде Дахно Беляев увидел одобрение, но вслух режиссер сердито проворчал:

– Прекратить посторонние разговоры! Не театр, а дом свиданий!

июнь 1942

Валечка

Доверенный сотрудник Зальцнера по разработке дезинформации для подпольщиков Вюндэ зарекомендовал себя мастером подстав ещё в Мюнхене. Его опыт двойных игр ценили в Берлине.

Чаще всего агент Вюндэ – холёный блондин действовал под именем Эрих, иногда представлялся, как Мартынов.

Идея ловить "лидера подпольщиков Стащенко" через связную была давно и успешно отработана ещё с немецкими антифашистами. Сотрудники военно-политического бюро СД давно поняли, что любовь – одна из самых действенных ловушек.

В отделе народного образования Днепропетровска был человек, обративший внимание на доверчивость Валечки. Опытный агент понимал, что в этом возрасте, влюбленная девушка способна на всё. Эта схема не давала сбоев ни в Европе, ни среди славянок. Главное, чтобы герой грёз был борцом за справедливость. Изобразить антифашиста, втереться в доверие – и всё, можно лепить из глупышки послушную куклу.

Валечка разболтала любимому и адрес явки секретаря об-

кома Сташенко: Сумская, 24 и пароль "Ласточка". Теперь важно отследить все связи, включая те, что за пределами Днепропетровска, и выдрать с корнем. Хитро придумали подпольщики: на квартире у Валентины проживали немецкие офицеры, хозяйка была с ними очень любезна, щебетала по-немецки. Ну кто мог заподозрить, что здесь явка?

Подпольная сеть Днепропетровска была уничтожена практически полностью. Гестапо ловко провело игру со связанной, юной неопытной девушкой. Романтические представления о героической судьбе разбились о коварный и жестокий обман. Явка в её квартире, казалось, имела идеальное прикрытие – в ней разместились на постой немецкие офицеры.

Новый квартирант, симпатичный белокурый парень, отличался от прочих фашистов, с которыми Валя кокетливо флиртвала, выуживая крошечные крупинки информации о перемещениях и новых назначениях знакомцев.

Однажды этот улыбчивый офицер "решился признаться", что антифашист, что хочет помочь. Даже денег предложил для подполья. Это был опытный мастер оболыщения и прекрасный актер Аркадий Мартынов под псевдонимом "Эрих". Давыдовская стала не первой его жертвой, во Франции, в Бельгии его возлюбленные закончили жизнь в гестапо. Эрих тешился доверчивостью женщин, упивался своей властью

над их влюбленными душами. Постепенно, исподволь, сообщая ей "секретные сведения" этот опытный кукловод выследил со своими напарниками всех, кому наивная Валя передавала эти сведения. В застенках оказались хозяева явочных квартир, связные и даже их родные, ничего не знавшие о подполье.

Сташков уцелел случайно, лишь потому, что ушёл на встречу с павлоградским связным.

С Валечкой Давыдовской обращались, как с ценным агентом. Ни побоев, ни голода девушка не испытывала, в отличие от арестованных по её вине.

До поры до времени, пока не схвачен лидер организации. Ей показали, что сделали с другими несчастными во время пыток, и Валя снова предала, теперь вполне осознанно. Эрих (Мартынов) пообещал ей, что они уедут вместе в Германию, если она поможет своему любимому и себе.

"Всего-то схватить больного туберкулезом Николая Ивановича, которому врачи отмерили несколько месяцев жизни", – уговаривал милый Эрих.

Валечку привозили на городской рынок Павлограда и "выгуливали" в сопровождении Мартынова в надежде, что Сташков рано или поздно появится там для встречи со связными.

Несколько раз Прибер приходил на "барахолку", как прозвали ту часть рынка, где продавали и меняли подержанные вещи. Сташков торговал там зажигалками, сделанными вместе с Грушко.

Так было и 28 июля 1942 года. Наконец, увидел Николая в толпе у витрины магазинчика с одеждой, это было их место. На подходе к магазину отражение в витринах позволяло связным одновременно контролировать обзор за спиной, рядом были проходы с овощными рядами, где нагромождения ящиков позволяли притаиться и осмотреться.

Николай Иванович выглядел как работяга или кустарь в потертой одежде, тихо приблизился к Приберу, сказал, глядя в сторону:

– А вот кому зажигалочки! Продаю недорого.

Степан перебирал зажигалки, сказал с разочарованием:

– Самодельное барахло! Кустарщина!

– Посмотрите вот эту, господин хороший, – протянул Сташков зажигалку со спрятанным донесением, – тихо добавил, пересчитывая деньги, – за мной следят, приходили к Грушко. Блондин с ухоженной девушкой. Найду тебя сам.

Прибер спрятал зажигалку и пошёл в ортс-комендатуру. Неподдалёку от рыночного кафе увидел пару, похожую на описание Сташкова и встревожился, хотел проследить за ними, но его ждал Венке. Уже в кабинете начальника ортс-комендатуры подумал: "Николай ждал только меня, наверное, сразу ушёл".

Сташкова остановили у выхода на улицу Горького.

Именно Давыдовская указала на него гестаповцам, постоянно державшим её в поле зрения во время этих "прогулок".

Николай выстрелил и бросился бежать к церкви Голубицкого. Две пули попали в него, Сташков упал, когда до церковной ограды оставалось всего пару шагов.

Сомнения Прибера прервали звуки выстрелов, раздавшихся со стороны рынка. Венке вызвал секретаря и велел узнать, что там происходит.

– Герр, комендант! Перестрелку затеял подпольщик, пойманный на рынке. Его уже увезли в гестапо.

Степан похолодел: "Не успел, не успел..." – билась в голове тревожная мысль.

Венке обратил внимание, как сильно побледнел инспектор электросетей:

– О, герр Приберг, вас так напугала стрельба? Сразу видно – вы не военный, – скривил в усмешке губы начальник ортскомендатуры.

Степан опомнился, смущенно кивнул:

– Да. Герр, комендант, я слышал, подпольщики охотятся на фольксдойче, считают предателями.

Павлоградских подпольщиков спасло лишь то, что Валечка ничего о них не знала. Теперь палачи пытались выбить информацию о них из арестованного секретаря обкома. После ранения в левую ногу и руку фашисты старательно его подлечили, надеясь постепенно вытряхнуть из него всё о подрыве мостов, уничтожении санпропускника гарнизона.

Начальник СД штурмбанфюрер Мульдэ распорядился перевезти его в тюрьму на улице Короленко в Днепропетровске.

По приказу следователя гестапо Лунге арестовали семью Грушко, даже четырнадцатилетнюю Люду, дочь хозяина

квартиры, несмотря на то, что при обыске не нашли ничего, указывающее на связь со Сташковым.

Валечку приводили на допросы к измученному Сташкову, чтобы она уговорила последовать её примеру, сытая и ухаживаемая стерва демонстрировала на себе "милосердие немцев".

Чтобы отвлечься от назойливого щебетания пустоголовой твари, Сташков представлял, как вцепились бы в её аккуратно уложенные, блестящие чёрным глянцем, волосики вдовы и матери, загубленных этой шкурой несчастных.

"Плюнуть бы в этот аккуратно покрашенный ротик. Даже не понимает, сука, насколько невыносимо слушать её самодовольный щебет о прекрасном отношении к ней фашистов. Как же я виноват перед всеми преданными этой мразью... Зачем выхаживают после ранения, что ещё приготовили эти нелюди? Нарядили эту тварь безмозглую... смотрите, какие мы добрые... Нет у них подхода к Павлоградцам... на меня надеются. Как хорошо, что все связи я замкнул на себе, сам обходил людей, – Николай закрыл глаза, – мне тридцать пять, я давно готов к смерти, с тех пор, как врачи объявили свой приговор, зато могу быть спокоен, их некому выдать".

Через несколько недель стало понятно для чего весь это

"менуэт" – в гестапо ждали самого Коха (гаулейтер Украины). Высокий гость внимательно наблюдал за Сташковым, говорил неспешно, проникновенно, делая паузы для переводчика.

"Так вот в чём дело. Намерены сделать из меня второго Власова, – Николай иронично хмыкнул, – однако. Думают мне польстить тем, что приравняли к генералу. Зря. Не греет меня такое сравнение. Никак".

Кох замолчал в ожидании ответа.

– Если вы так уверены в победе над большевизмом, зачем вам моя лояльность? Я не собираюсь выступать с обращением к советскому народу, как шкура Власов. – Сташков откинулся на спинке стула и рассмеялся, срываясь на кашель. – Н-да, мужики, вы так дружно меня уговариваете, видно, на фронте у вас совсем хреново, а?

Кто-то из мелких сошек ослабил, принимая его смех за согласие: "Ну не будет же приговоренный к смерти веселиться".

Переводчик замялся, подбирая формулировку помягче. Взгляд гаулейтера заледенел, немцы притихли. Кох привык держать лицо, поднялся:

– Что же, это делает вам честь, но не сохранит жизнь.

– А у меня выбор невелик, – с дерзким весельем в глазах ответил Николай, – либо меня убьёт пуля ваших солдат, либо – туберкулезная палочка вашего тёзки.

Тогда никто и не подозревал, что в город прибыл в колонне пленных человек, профессионально изучавший туберкулез. Военный врач, вместе с госпиталем попавший в окружение под Харьковом.

(продолжение следует)

2020-2023